

фантастическая
история

Алексей Кулаков
Протышленникъ

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Александр Агренов

Алексей Кулаков
Промышленникъ

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Кулаков А. И.

Промышленникъ / А. И. Кулаков — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (Александр Агренов)

Как изменить мир?.. И сложно, и просто одновременно. Начни с себя, сделай первый шаг – и мир вокруг тут же изменится следом за тобой. Вот только мало у кого на это хватает силы духа, увы. И у нашего современника, капризом судьбы попавшего в девятнадцатый век, на это не было ни силы, ни воли, ни даже малейшего желания. Но... Жизнь, как известно, самый лучший учитель. Не хочешь – заставит. Не можешь? Научит. Если только, ха-ха, не протянешь ноги в ходе учебного процесса. Он выжил. Переломил себя, переступил через собственную слабость, нетерпение и боль, неуверенность и страх, чужую и свою кровь – а заодно обрел новую цель, а вместе с ней и смысл жизни.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Кулаков

Промышленникъ

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Обычно Прокофий, вот уже полтора десятка лет являвшийся бессменным старостой большого села Опалихино, на здоровье не жаловался. Некогда жаловаться: вся община на нем, чуть малейший спор или там неприятность какая – враз к нему бегут, рассуди да помоги. Ну и радостное что, вроде свадьбы или крестин, тоже без его участия не обходилось, да. А вот сегодня прямо с утра ему что-то занемоглось – с глазами что-то стало. Нет, смотреть-то смотреть, да вот поверить увиденному ну никак не получается...

– Доброго здоровьичка, Прокофий Афанасич!

Буркнув ответное приветствие, староста потоптался на месте. Сплюнул, и решил-таки подойти немного подальше. Вернее, поближе, к новому дому не так давно вернувшегося из солдатчины Саввы Вожина. Может, все же глаза его обманывают? Кстати, он не один такой был, у кого вдруг обнаружились проблемы со зрением – еще три сельчанина обсуждали что-то важное прямо напротив невысокого забора, огораживающего обширное вожинское подворье. Обсуждали и оторопело тарасились на рядовой процесс колки дров.

Чпок!

И очередной кругляк разваливался под колуном на три неравные части. Прокофий невольно проводил взглядом отлетевший в сторону кусок березовой коры и опять тяжело вздохнул. С одной стороны, он отчетливо видел, как молодой парень, даже еще и безусый, вот уже час спокойно махал колуном, потихоньку удлиняя и наращивая и без того немаленькую поленницу. С другой стороны, Саватей не упускал случая потравить байки о своей службе в пограничниках, и как минимум половина из них была про его командира, штаб-ротмистра князя Агренева. Уж каких только небывальщин не наслушались жители Опалихина! Поначалу-то мужики дружно решили, что отставной пограничник немного привирает, для пущего уважения и солидности. Дело понятное, даже можно сказать, что и житейское. А как начал Вожин по весне отстраиваться, так и засомневались – уж больно широко размахнулся отставник. Двухэтажный дом, да на каменном фундаменте, да прочие постройки с населившей их живностью – все это таких деньжищ стоит, никакими побасенками столько не наработать!..

Чпок!

Хотя от законного надела бывший конный объездчик сразу отказался, но в батраках его никто так и не увидел (и то сказать, кому нужен хромоногий работник), потому что копейки у него не переводились. Да что там копейки – на рубли деньги считал, и родственникам своим займы давал не жадничая. Вернее будет сказать – не сильно жадничая, но с большим разбором: таким, что и лопухом его никак не назвать, и сквалыгой-миroeдом не выставить. Особенно после того, как местный батюшка получил щедрое пожертвование. Чем сам благотворитель себе на жизнь зарабатывает, никто точно не ведал, но знающие люди не раз видели его в разъездах да разговорах с первыми купцами Грязовецкого уезда. Вот и в этот раз гость приехал, когда хозяина дома не было...

Чпок!

Трое мужиков рядом с забором совсем позабыли о своем важном разговоре, зачарованно наблюдая за тем, как их сельчанину колет дрова целый КНЯЗЬ, и к тому же штаб-ротмистр.

– Дядя Саша!

От пронзительно-звонкого девчоночьего голоса все очарование момента пропало: мужички заторопились по своим делам, староста непроизвольно вздрогнул, а молодой мужчина оставил в покое очередной чурбак и обернулся к десятилетней дочке Вожина, что стояла на пороге своего дома.

– Пойдемте кушать!

Ответ староста не расслышал, но и того, что прозвучало ранее, ему было достаточно. Ну и как теперь относиться к сельчанину, которого лично он помнил голопузым и босоногим мальцом, если ему такие люди не гнушаются дрова колоть? И так уже кое-кто поговаривает, что Вожин и в новых старостах неплохо бы смотрелся...

Глава 1

Хоть и не застал Александр своего бывшего денщика, но на гостеприимстве Марыси и заметно подросшей Ульянки это никак не сказалось. Первая радостно всплеснула руками и тут же засуетилась, устраивая такого драгоценного гостя в комнате, изначально для него и предназначенной, – Савва для своего благодетеля специально обустроил на втором этаже дома пару комнат, удивительно похожих по своей отделке и мебелировке на апартаменты князя, что были в Олькуше. А вторая и вовсе повисла у него на шее, довольно повизгивая и дрыгая ногами, и разжала руки только после упоминания о привезенных ей гостинцах.

«Не забыл, значит, ни моего обещания приехать, ни моих инструкций. Это радует».

Единственный, кто встретил гостя настороженностью и даже недовольством, так это большой толстый кот, считавший пустовавшие до этого комнаты исключительно своими. Судя по тому, что кошара шипел на него при каждом удобном случае, кот и сам дом, со всеми его жильцами, и подворье вокруг проводил по графе «Личная собственность» и терпеть такого наглого попрания законных прав не собирался. Кидаться на наглого захватчика он пока не спешил, но вот когда на следующее утро князь поднялся из теплой постели и стал одеваться, левый сапог оказался подозрительно сырым. И не снаружи, что было бы еще вполне приемлемо, а именно изнутри. Не обратив внимания на такую вроде бы мелочь, Александр спокойно проходил в них весь божий день: прогулялся по селу, отменно размялся на колке дров (аж прямо счастливое детство вспомнилось) и очень опрометчиво перенес посещение бани на следующий день. Пожалел он о таком своем решении уже перед сном, сняв с ноги злополучный сапог. Какой запах шел из голенища! Просто сказка. Страшная. Нет, глаза вроде бы и не резало... Так, разве что слегка пощипывало, зато всю сонливость как рукой сняло. Опять же, дощатый пол, по которому пришлось шлепать до Марыси, бодрил не хуже прогулки по руслу горного ручья.

– Ах ты ж, проказник какой!

Пока хозяйка многословно извинялась, грела воду и выдавала дорогому гостю теплые носки, князь поинтересовался, как зовут виновника и часто ли он позволяет себе так шутить.

– Васька-то? Шкода такая, что не приведи господи! Он у Ульянки в любимчиках, вот она его и разбаловала – тут кусочек, там кусочек, он уж и мышковать совсем перестал. Чего уж, и так кормят...

Носки оказались маловаты размером, зато отменно грели ноги, отчего испортившееся настроение опять поползло вверх.

– Только и делов, что соседских котов подрать да за кошками побегать.

Несмотря на осуждающий тон, было заметно, что полосатый разбойник и у старшей хозяйки пользуется немалым расположением. Поблагодарив за помощь, мужчина подхватил выданные вместо сапог валенки, вернулся в свою спальню – и прямо с порога увидел, как на его постели развалился здоровенный котище.

– А ну-ка брысь, блохоносец!

Получив в ответ предупреждающее шипение, Александр с помощью увесистых валенок восстановил справедливость: первым уговорил своего обидчика покинуть кровать, а вторым позорно промахнулся, вместо самого кота попав в дверь. Подобрал войлочное оружие, поплотнее притворил за местным скусом дверь и с облегчением завалился под толстое, пошитое из невероятного количества разноцветных лоскутов одеяло.

«Прямо беда с этими животными. Или это мне так везет? В Олькуше – петух, тут кот – сподобился... или это он проявляет солидарность с тезкой?»

Сон его был хоть и глубокий, но достаточно чуткий – и именно поэтому утро для князя началось с осознания двух печальных истин. Первая – четвероногий поганец перемещается по дому без малейшего шума. И второе – эти валенки ему поносить не удастся. Охающая и ругающаяся

Марыся выдала ему запасные сапоги мужа, которые в полном соответствии с законом подлости, были малы. Несильно – слегка, можно даже сказать, что почти и впору. Но передвигаться в них было и непривычно, и холодно. Впрочем, в долгу Александр не остался: улучив момент, когда Ульяна убежала к подружкам, а ее мама отправилась обихаживать многочисленную живность, он подошел поближе к живой мышеловке, разомлевшей и заснувшей на теплой печке, и наложил на него крест. В прямом смысле наложил – под рукой ничего подходящего не оказалось, и пришлось оперативно воспользоваться висящим на стене деревянным символом веры.

Тресь!

Ошалевший кот подпрыгнул и, не разбираясь, что это такое страшное ему приснилось, пустился наутек. А так как был спросонья, то начисто проигнорировал законы гравитации, непринужденно пробежавшись по стене, окну и скрывшись в вентиляционной отдушине под потолком.

Вернувшаяся с ведром молока, хозяйка застала своего гостя за дегустацией травяного сбора из иван-чая и мяты. Выглядел он при этом умиротворенно-довольным, а взгляд его с большим интересом скользил по затейливой резьбе на потемневшем от времени, но все еще крепком кресте из душистого кипариса. Следующие три дня отставной ротмистр отдыхал душой и телом: переработал на поленья примерно полтора воза промерзших до стеклянного звона березовых чурбаков, слегка помахал лопатой, перекидывая снег в одну большую кучу. Ледяная горка вышла – просто загляденье! Отведал березовых и дубовых веников в настоящей деревенской бане. Перепробовал все мыслимые соленья и варенья, отоспался впрок, ну и вплотную подошел к порогу скуки. Выручил, как ни странно, хвостатый: объявив гостю тихую войну, он всеми силами пытался проникнуть во вражеское логово на втором этаже, с целью устроить там свой туалет. Получалось не очень, так как теперь дверь была постоянно закрыта, а отдушина под потолком забита куском овечьей шкуры. Да и обувка теперь запиралась в платяной шкаф вместе с остальным багажом – короче, сплошное расстройство. Неудачи так выбили его из привычной колеи, что он пару-тройку раз даже пытался покусать Александру ноги – видимо, поднабрался дурного от дворовой псины. А князь, в свою очередь, использовал каждый удобный случай, чтобы подержаться за увесистый крест. И с каждым удачным «крещением» чувствовал, что память о неудаче с горластым петухом из Олькуша его понемногу отпускает...

На четвертый день тихой, но бескомпромиссной войны между котом и человеком домой приехал кормилец и поилец семьи, сам Савватей Елпифидорович. И не один, а в компании с Луневым. Только это был не тот Лунев, что Вениамин Ильич, а совсем даже Геннадий Арчибальдович. За последние полгода познакомившийся с географией и экономикой Вологодчины и соседних с ней губерний так хорошо, насколько это было в силах человеческих – на любой вопрос у него тут же был готов ответ, причем развернутый, с многочисленными примерами и обоснованиями.

«И все-таки мне определенно везет на нужных людей. Кто бы мог подумать, что молодой юрист начнет так хорошо разбираться в вопросах сельского хозяйства. Конечно, большая личная заинтересованность – дело хорошее, но без определенного таланта бесполезен любой пряник. Как, впрочем, и кнут».

– Да-да, я вас слушаю, продолжайте?

– Таким образом, в каждом уезде у нас... – Молодой юрист слегка замешкался и быстро поправился: – То есть я конечно же хотел сказать – у вас, Александр Яковлевич!

– Нет, Геннадий Арчибальдович, вы выразились вполне верно, именно у нас. Проект этот – мой, но ведете его именно вы, так что именно – у нас. Продолжайте, прошу.

– Слушаю-с. Я предлагаю предпринять следующий образ действий. В каждом уезде выбранной вами губернии ставить один большой перерабатывающий центр рядом с железной

дорогой и с десяток маленьких, ну или чуть больше, по волостям. Это придется каждый раз по месту решать.

В доказательство своего заявления Лунев-младший с видом опытного офицера-генштабиста разложил на пустом обеденном столе большую карту, на которой красным карандашом были обведены контуры Вологодской, Ярославской, Тверской и Костромской губерний. Многочисленные точки будущих центров, линии проселочных дорог, отчетливый след от стакана, небольшое синее пятно от капнувших чернил – и великое множество поясняющих надписей, как на самой карте, так и на ее обороте. Короче, солидный рабочий документ, одним своим видом доказывающий, что его составитель и не думал сачковать.

– Ну и цена вопроса...

Геннадий тихонько набрал воздуха, глянул на князя и выдохнул рассчитанную им сумму:

– Не меньше двух с половиной миллионов рублей на ассигнации.

Не увидев ожидаемого возмущения, мужчина уточнил:

– На каждую из губерний, ваше сиятельство.

Опять не заметив никакой реакции, юрист решил идти до конца:

– И это только предварительный расчет. Так что, скорее всего, будут еще и дополнительные расходы.

Александр едва заметно вздохнул.

«Да уж конечно будут, когда это без них обходились. Большой перерабатывающий центр встанет мне в двадцатку, малый – тысяч в пять. Все остальное уйдет на покупку имений у помещиков... Блин, как же сильно жаба давит-то, прямо дышать нечем!»

– Подготовьте смету расходов и все остальные документы.

– На какую из губерний, Вологодскую?

Еще раз вздохнув (жаба на глазах превращалась в динозавра), промышленник-аристократ распорядился:

– На все четыре. И нормальную карту, для меня. Что по персоналу?

– Можно сказать, что никак. Совсем никак, ваше сиятельство, и перспективы пока неясные.

– Подробнее?

Минут через десять князь пожалел о своем указании: глава еще не существующей компании оказался изрядным педантом (впрочем, для юриста это было несомненным достоинством), так что жаловался на трудности очень основательно и с большим размахом. Таким большим, что у фабриканта даже рука затекла, пока он конспектировал большую часть жалоб.

– К счастью, кое-какие варианты все же есть. Как раз в Тверской губернии имеется, прошу прощения за невольный каламбур – широко известная в узких кругах школа масло– и сыроделия, устроенная неким господином Верещагиным. Учебный курс в ней длится полгода, плата за обучение – вполне божеская, принимают всех, кто только в состоянии заплатить. А если пообещать существенное расширение школы, так еще и скидку сделать могут. Нам же маслоделов – ой как много надо!

Александр слегка довернул корпус и посмотрел на хозяина дома, все это время тихо присутствующего на импровизированном совещании:

– Савва, у тебя родственники есть?

– Как не быть, Александр Яковлевич, почитай, полсела в них числится.

– И сколько из них захотят в компании работать?

– Ну, тут подумать надо, со стариками поговорить. Вам ведь молодые нужны? Мыслится мне, дюжины с две парней можно найти.

– А что, женщины к такой работе не годны?

С виду простой, вопрос погрузил обоих собеседников князя в недолгий ступор. После чего юрист осторожно согласился с тем, что попробовать можно. А хозяин дома, наоборот,

позволил себе усомниться (впрочем, не менее осторожно), что особ женского пола вообще согласятся взять на обучение.

– Вот и узнай. Заодно договорись о том, что со следующего месяца от нас ученики пойдут. Геннадий Арчибальдович, сколько там по вашим выкладкам требуется?

Лунев-младший скорбно вздохнул и «обрадовал» собеседников итогом своих расчетов:

– Много, ваше сиятельство, просто чудовищно много. На одну губернию самое малое – пять сотен маслоделов и сыроваров. Полсотни механиков, тысячи две человек на производство консервов и прочие работы. Сто десять счетоводов, управляющие, еще ряд специалистов... И все эти цифры надо умножить вчетверо.

Последние слова юрист буквально выдавливал из себя, понимая, что князь Агренов – не чудотворец и такую прорву специалистов ему не «родит» при всем желании. А значит – желанный пост директора Русской аграрной компании так и останется всего лишь туманной, а не реальной перспективой. Если только не умерить аппетиты до одной губернии... Или даже трех-четырех уездов? Тоже ведь неплохое начало, как ни крути!

А промышленник тем временем неспешно листал исписанные страницы записной книжки и обдумывал полученную информацию.

«Да, изрядно получается. Хорошо хоть, что все эти люди понадобятся не ранее чем через год. Так! Ну, на производство «тушняка» и прочей попутной продукции я людей найду. И даже с избытком – у меня на фабрике такие списки желающих устроиться на работу, что пришлось для них отдельный шкаф завести. Жаль только, что в основной массе это бывшие крестьяне, если кто станок какой издали видел – уже за крупного специалиста идет, хе-хе. Так, кто там дальше? Механики. Ну, это совсем просто. Гриша как-то говорил, что некоторые из солдат-отставников по земле тоскуют, по своему дому. Вот пускай новую специальность осваивают и – вперед, на баррикады. Заодно там и охранниками поработают, а в свободное время нехай в огородах копаются. Конечно, и настоящих механиков тоже надо будет организовать, для самых сложных случаев, но все же не такую прорву. Так, кто там еще? Счетоводы-бухгалтеры-управляющие... Да, с этим посложнее будет. Только не мне, а Горенину, пускай включается в производственный процесс, а заодно и контролирует расходную часть проекта. Ух ты, да я наконец-то начинаю настоящим эксплуататором становиться?! Так, маслоделы и сырокаты, где бы вас взять? Вернее, где же это вас Савватей будет искать-то, такую кучу народа? Прямо даже жалко его становится... Наверное, еще Сонины надо озадачить, среди приходящих на фабрику крестьян поискать. Ну что, начинаем сеанс выдачи ценных указаний».

Помолчав и полистав записную книжку, Александр кивнул сам себе и стал вещать. И чем больше он говорил, тем больше оживал Лунев-младший, буквально впитывая в себя каждое его слово и прямо-таки кожей ощущая всю значимость такого исторического момента. Прямо на его глазах (и не без его участия) рождалась крупная компания! Его сиятельство перечислил стоящие перед ее без пяти минут директором проблемы, тут же наметил пути их разрешения и буквально по пунктам продиктовал, чем будет заниматься его собеседник. Геннадий для начала отправлялся к господину Верещагину, договариваться о некотором расширении его школы. С пятидесяти мест до трехсот, не больше. А попутно запустить слухок, что новое производство будет запускаться где-нибудь в Саратове, а то местные артели всполошатся и начнут вставлять палки в колеса. Потом в Санкт-Петербург, навестить дорогого дядюшку, за документами финансового порядка (то есть чековой книжкой) и немалой толпой юристов: массовая скупка имений у разорившихся помещиков – дело такое, что лучше его проводить и одновременно, и на разные фамилии. Во избежание слухов и прочих неприятных мелочей, вроде подорожания земли. Процесс этот долгий, можно даже сказать – деликатный, а посему наверняка затянется как минимум на год. А скорее на все полтора-два, а тем временем и персонал для сети перерабатывающих центров подоспеет. Как и документы на новую компанию, как и сами постройки, и многое-многое другое...

Поглядев на Савватая, охреневающего прямо на глазах (такой масштаб его скорее пугал, чем вдохновлял), Александр излил часть указаний и на его опухшую от уже услышанного голову:

– Савва. Первым делом набираешь себе из своих же родственников дюжину помощников. С месячным окладом в тридцать рублей. Каждому. И как только Геннадий Арчибальдович договорится насчет школы, обеспечиваешь ее быстрое расширение и набор учеников – человек триста для начала. Их размещение, питание и тому подобное – все на тебе.

– Да помилосердствуй, Александр Яковлевич, не потяну я такого. Не по Сеньке шапка, ну вот ей-богу! – В доказательство своего утверждения хозяин дома размашисто перекрестился в направлении на красный угол¹. Не убедил.

– А кому сейчас легко? Так что справишься. Совсем тебя без помощи не оставлю, пришлю несколько человек. «Скорее уж, несколько десятков». – Но и сам тоже не ленись. За каждого, кто пойдет учиться, – рубль твоим помощникам, рубль тебе. За того, кто выучится и начнет работать по специальности, – два рубля им, три тебе. Штрафы тоже будут и точно такие же. И людей не абы каких выискивай, а сирот, да молодых и семейных. Вопросы?

Командный тон подействовал на бывшего конного объездчика госграницы весьма и весьма благотворно, убив все сомнения буквально на корню. Да и упоминание насчет денег пришлось очень даже к месту. Так что Савватей Вожин подскочил, вытянулся по стойке и рывкнул:

– Никак нет, вашбродь!

– Вот и славно. А у вас, Геннадий Арчибальдович?

У работников князя оказалось редкое единодушие: спрашивать они ничего не хотели, со всеми предложениями были согласны и при этом явно желали как следует поразмыслить над полученными указаниями. Лепота!.. Зато вопрос, а вернее даже вопросы, задала поднявшаяся на второй этаж Марыся – на тему того, кого именно ей сегодня зарезать. Ну, то есть что гости дорогие желают на обед: куриного супчика или же жареного гуся с гарниром из картошки? Смерть дыхнула и на молочного поросенка, но все же в этот день не повезло именно молодому гуся.

Тресь!

Но осторожничающий в последнее время котяра ловко увернулся от слишком близкого знакомства с кипарисовым крестом. То есть почти увернулся, отделавшись даже не ударом, а скорее легким толчком в бок. Его обидчик негромко выругался и с сильной неприязнью посмотрел на сельского скунса по имени Васька. Который, между прочим, и не думал убегать или как-то прятаться, а вместо этого поудобнее развалился на теплом выступе стены и принялся наводить гигиену. Поводов для торжества над неловким двуногим у кота было хоть отбавляй: во-первых, смог увернуться от встречи с холодной и твердой разлапистой палкой со стены. А во-вторых, его упорство принесло свои плоды. Кусок овечьей шкуры не выдержал постоянных тычков головой и пропустил-таки настоящего хозяина дома в свою комнату, временно оккупированную наглым пришельцем.

«Вот почему у меня стойкое впечатление того, что этот поганец сейчас мне презрительно ухмыльнулся?»

Появившаяся совсем недавно у Александра привычка проверять свою обувь перед надеванием пошла ему только на пользу. Именно благодаря ей (а еще и своему обонянию) он понял, что придется ему задержаться на денек-другой у своего бывшего денщика. Не уезжать же ему в одних вязаных носках? Сапоги были безвозвратно испорчены, валенки тоже, а бегать в нос-

¹ То есть угол жилища, в котором по традиции размещали семейные иконы и маленькую лампадку. – *Здесь и далее примечания автора.*

ках по ноябрьскому снегу как-то не прельщало. Так что Савва был немедленно мобилизован, снабжен неоскверненным сапогом в качестве образца для подражания и отправлен в уездный город добывать второй. Или новую пару – такие мелочи командира не интересовали. А также за газетами, в очень больших количествах. Ну а сам князь Агренов попытался посылить выразить охватившее его негодование, и первые два раза ему это даже удалось. Затем хвостато-полосатая скотина утроила бдительность и к тому же перестала спать на привычных местах. Не прекратив при этом попадаться на глаза и всячески изгаляться – то неспешно пройдет на расстоянии вытянутой руки и потрется об ногу Марыси, то развалится на руках у Ульянки и начнет мурлыкать с ехидными интонациями.

Оглядевшись и прислушавшись, уважаемый гость ногою подтянул к себе небольшую лавочку. Короткий разбег, толчок ногой – и в этот раз Васке все-таки прилетело по наглой усатой морде. А князь тем временем еле-еле успел возвратить свое оружие на полагающееся ему место – вернувшаяся с улицы в дом Марыся удивленно пронаблюдала, как аристократ поправил и без того ровно висящий на стене крест. После чего с весьма одухотворенным лицом размашисто перекрестился.

– Хорошая вещь, покой дарит.

– И Саввушка так же говорит. Он ему еще от батюшки покойного перешел, в наследство.

Уцепившись за последнее слово, Александр парой-тройкой направляющих вопросов перевел разговор на то, как молодая супружеская пара обустроивалась на новом (ну, понятно, что для самого Савватаея очень даже старом) месте. Послушал короткий, но очень эмоциональный рассказ про то, как им все помогали, работая чуть ли не за спасибо, какие в общине доброжелательные и хорошие люди вообще и соседки в частности, и попытался вспомнить, сколько он там выделил своему бывшему денщику на обустройство. Точная сумма все никак не вспоминалась, но по-любому он не мог дать меньше пятисот рублей.

«Неудивительно, что в селе их приняли хорошо: мужики с села им за полдня старый дом с постройками снесли – накормил и напоил от пуза да бревна разрешил забрать. От надела отказался, родне слегка помог, в храм божий сколько надо занес. Новый дом поставили – опять село напоил-накормил. Как к такому плохо относиться? Странно, что Марысю подруги не одолевают. Наверное, меня побаиваются?»

Поздним вечером вернулся из своего сапожного рейда и сам Вожин. Привез две кипы газет для командира, полсотни карамельных петушков и сердечек, нанизанных на хрупкие палочки из обычной соломы – Ульяне и ее подружкам от «дяди Саши». Ну и дежурный подарок жене, в виде ярко-алого платка с незатейливым узором по краям. Выложил все это богатство прямо на стол, и пока супруги миловались за дверью, а их дочка перебирала фигурные кусочки плавленого сахара, отставной ротмистр решил разглядеть поближе шедевр полукустарного творчества местных текстильщиков. Было в платке что-то такое смутно знакомое, но вот что именно, понять не удавалось.

– Александр Яковлевич, докладываю! Заказал новую пару, завтра утром будут готовы, вот. Ну а к полудню я их вам прямо сюда и представлю, чтобы, значит, полный порядок был. Да, а что со старыми прикажете делать?

– Да что хочешь, то и делай, мне они уже ни к чему.

Судя по довольной mine на лице Савватаея, сапоги после командира будет донашивать именно он. А что? Офицерские, почти новые, с щегольским скрипом. Хромовые! Такая вещь на дороге не валяется и стоит соответственно. Нет, ну в самом-то деле, не выкидывать же их? Мигом соседи подберут да на свои ходули пристроят.

Самого же князя в данный момент интересовало иное. Поняв, что именно казалось ему знакомым в узор на платке, он тут же поинтересовался у гостеприимного хозяина, а много ли таких платков продается по ярмаркам.

– Да полным-полно, Александр Яковлевич. Из ситца есть, шерстяные там, шелковые да бумазейные². В общем, всяких полно. А что, надо?

– Да нет, это я так, ради праздного интереса.

Поглядев еще раз на незатейливый рисунок, в котором очень просто можно было разглядеть повторяющийся во всех возможных вариантах солярный знак – свастика, он же славянский коловрат, – любопытствующий аристократ задумчиво хмыкнул.

«Христианство на Вологодчине вот уж с тысячу лет как, а глянешь на вот такой вот платок – и вспоминаешь про свои настоящие корни. Поди, в такой глуши и настоящего родовера³ отыскать можно, если очень сильно захотеть».

– Ты мне вот что лучше, Савва, скажи. Когда прибавление в семействе будет?

Хозяин дома вздохнул и слегка сгорбился на лавке:

– Да если бы я знал, Александр Яковлевич. Вроде и стараемся, да вот не дает бог ребеночка. Я уж и насчет паломничества по святым местам начал задумываться...

– А что, дело хорошее. Заодно и по врачам пройдитесь, что-то из двух обязательно поможет.

Дальнейшую беседу прервало появление повизгивающей и галдящей оравы Ульянкиных подружек, как по волшебству слетевшихся на сладкое угощение. Увидев взрослых, а в особенности важного гостя (про которого дочка Савватея уже всем успела растрезвонить, что это есть не кто иной, как ее лично-персональный дядя Саша), табунок малолетних девиц тут же притих и выстроился в некое подобие очереди. Получив желаемое, будущие невесты чинно благодарили маленькую хозяйку и тихо удалялись за дверь, чтобы там с полным комфортом и от всей души полакомиться карамельным подарком.

Вожин при виде такого благолепия мигом забыл про свою хандру и горделиво приосанился.

– Вот какая у меня умница да красавица растет! Поди, еще лет пять-шесть, и женихов со двора оглоблей гонять буду.

Юная красавица и в самом деле оказалась редкостной (для своих лет, конечно) умницей: оделив последнюю свою подружку гостинчиком, она не последовала за ней на свежий воздух, а, наоборот, бочком-бочком придвинулась к приемному отцу и дяде. И не с пустыми руками, а с небольшим альбомчиком, почти полностью заполненным ее незатейливыми почеркушками. Села поудобнее, разложила пяток цветных карандашей и стала что-то рисовать, время от времени поглядывая то на одного из беседующих мужчину, то на другого. А когда те заинтересовались столь необычным, даже можно сказать – тревожно-долгим, молчанием десятилетней девочки, та горделиво представила на суд взрослых итог своего получасового труда. Два портрета, Савватея и его командира, выполненных в несколько авангардной манере.

«Н-да, синие волосы и красные глаза – это определенно новое слово в искусстве. Но похож, этого не отнять. Талант, получается?»

– Савва, а ты дочку свою в учебу отдавать-то думаешь или как?

– А что, надо?

Навострившая ушки Ульяна тут же стала в два раза медленнее собирать свои немудреные рисовальные принадлежности.

– Понятно, не думал. Тогда... Иди сюда, егоза. Учиться хочешь?

– Ага!

– Не понял?!

– Хочу, дядь Саш, очень! А чему?

² Род хлопчатобумажной ткани.

³ То есть поклоняющегося старым славянским богам: Роду, Сварогу, Велесу, Триглаву, Ладе...

– Там видно будет. Года через два и посмотрим. А может, и пораньше. Ну все-все, иди погуляй, нам еще поговорить надо.

Наконец-то собрав пять несчастных карандашей и тоненький рисовальный альбом, юная, но подающая большие надежды художница унесла их к себе в комнату. Так же спокойно накинула свой овечий тулупчик и, из последних сил удерживаясь от радостного визга, метнулась за дверь:

– Пронька! Иди быстрее, че скажу-у-у!!!

Внимательно оглядев комнату на предмет неприятных сюрпризов и не найдя таковых, Александр успокоенно вздохнул и сел в небольшое кресло, всем своим видом напоминающее скорее ожиревший до невозможности стул. Подцепил пальцем кокетливый бантик на шпагате, удерживающем газеты в одной стопке, потянул, дернул и вытащил на свободу толстые «Губернские ведомости». Затем журнал «Развлечение», потом любимый более других «Вокруг света», еще пять газет... Часа через четыре, когда все печатное слово было благополучно усвоено, князь покинул жесткое и неудобное кресло и вытянулся на кровати. Новостей было немало. Во-первых, в своих путешествиях по границам и прочих делах он умудрился пропустить закладку Великого Сибирского пути. Которая, между прочим, совершилась еще в мае месяце уходящего года, рядом с Владивостоком. Причем к этому, вне всяких сомнений, историческому моменту приложил свою августейшую руку сам цесаревич Николай Александрович. Вот только сделал он это как-то непонятно. То ли торжественную речь толкнул на три часа кряду, с всемиловейшим перерезанием ленточки и маханием рукой, или просто шпалу пнул августейшим сапогом и красиво выругался – такие подробности репортеры не раскрыли. Зато теперь будущий император считался авторитетным специалистом по Сибири вообще и железнодорожному строительству в частности.

«Оправился, стало быть, царевич-надёжа, от знакомства с красотами Японии».

Вторая заметная новость пришла из Франции – и заключалась в большом оползне, приключившимся в самом сердце Парижа, на холме Монмартр. Начисто снесло строящуюся там базилику Сакре-Кёр, половину Пляс дю Тертр и чуть-чуть пометило примерно треть лестниц.

«То есть церковь имени Сердца Христова уползла вместе со своим фундаментом метров на двадцать – тридцать вниз по Горе Мучеников (хе-хе, первая в мире пересадка сердца!), заметно скукожилась площадь Холма, и слегка повыбивало-покорежило гранитные ступеньки на пути оползня. Нормально. Можно сказать, что парижане обделались легким испугом».

Третья новость заключалась в том, что в новом году, ближе к лету, ожидалось заметное повышение таможенных пошлин на ввозимое в империю промышленное оборудование.

«То есть грядет очередная война акцизов между Российской империей и Вторым рейхом. Мы будем воротить нос от их станков, а они – от нашего зерна и масла. Заодно и труженикам Туманного Альбиона станет немного кисло – немало станков приходит к нам и от них. Н-да. А ведь, пожалуй, еще год-два, и я бы смог отхватить себе неплохой кусочек рынка! Пока же придется, так сказать, на общих основаниях».

Более того, это самое повышение должно было ударить и по самому князю: часть станков и оборудования для заводов в Кыштыме и Коврове была готова, и вполне возможно, что даже уже грузилась в вагоны. Но именно что часть, причем незначительная. Основной же поток как раз и планировался-ожидался на позднюю весну и середину лета...

«Значит, надо пнуть Круппа с Тиссенем и отправить Лазорева в Швейцарию – пусть не все, но хотя бы основное надо протащить в Россию до повышения тарифов».

Остальные вести относились к недавно отгремевшей битве за урожай – сколько пшеницы собрали-продали и тому подобное, а также мелочам вроде светских хроник и некрологов. Ну и новостей, из ближнего и дальнего зарубежья, кои прошли горнило цензорских правок и очень многословно рассказывали все о той же светской жизни титулованных особ, с редкими вкрап-

лениями финансов и политики. Скукота в общем-то, но даже она оказалась полезной, так как после этого чтива сон пришел словно по мановению волшебной палочки. Тяжеленькой такой. Бум! И ты уже спишь...

Проснулся Александр от непонятного звука. Как будто что-то мягкое и в то же время упругое уронили на пол. Не шевелясь и не изменяя ритма дыхания, он слегка приоткрыл глаза, провел взглядом по двери (закрыта), затем по комнате – и тут же нашел источник своего беспокойства. Размыто-серая тень неслышно двигалась по полу, пересекая комнату по диагонали, время от времени замирая и прислушиваясь. Кот Васька проинспектировал платяной шкаф, убедился, что он все так же закрыт, посидел перед дверками и недовольно подергал хвостом, после чего нацелился своим усатым локатором на стоящие у кровати войлочные тапки.

«Да что за жизнь такая! То петух горластый, то кошка-вонючка вместо будильника. Но петух хотя бы обувь не трогал!»

Стоило князю пошевелиться, как хвостатый прищелец тут же застыл на месте. А встретившись взглядом с человеком, и вовсе развернулся на месте и вальяжно зашагал в обратном направлении, курсом на вентиляционное отверстие под потолком. Прозвучавший шорох ускорил его шаги, а прилетевший по заливку тапок и вовсе придал всем его движениям невыразимую ловкость и грациозность – такую, что уже через секунду его не стало видно. А через две – и слышно. Как бы то ни было, рассвет нового дня Александр встретил хмурым и невыспавшимся, с мыслями о показательном расстреле нарушителей его ночного отдыха. Настроение слегка поправил визит в баню и вкусный завтрак в виде пшеничных оладьев со сметаной и медом. В плюс пошло и прибытие новых сапог, в комплекте с билетом на вечерний поезд (инициатива Савватая в этом вопросе оказалась очень кстати).

– Вот, Александр Яковлевич, сделали в самом лучшем виде!

Обновка действительно оказалась неплохой. А учитывая тот факт, что никаких примерок не было, и мастер изваял обувь менее чем за сутки, – вообще отличной, являясь настоящим шедевром сапогостроения. Нигде не жало, не хлябало, и вообще они на ногах сидели как родные, обещая своему владельцу привычный уровень комфорта. Посидев еще немного за столом, гость отправился к себе в комнату, одеваться да собираться в путь-дорогу. Собственно, и собирать ему было особо нечего, да и надевать тоже – выбор имелся лишь между гражданской одеждой, более уместной в большом городе, и формой офицера-пограничника, удобной как раз для путешествий по сельской местности.

Утро любой деревенской женщины начинается очень рано, самое позднее в полпятого утра: подоить корову, задать ей и прочей, более мелкой живности корму, приготовить еду на все семейство. Да мало ли работы у хорошей хозяйки? А в этот день Марыся встала еще раньше, так как ее муж отправлялся в Грязовец. Вспомнив, из-за чего, а вернее даже, из-за кого он вынужден тащиться по морозу в уездный город, хозяйка вздохнула и поискала взглядом мелкого паршивца. Так неудобно получилось! Хорошо хоть, что его сиятельство не рассердился, как того следовало ожидать – видимо, потому, что Ульянка у него в любимицах ходит.

– У, поганец этакий!

Как по заказу появился и сам виновник, при виде хозяйки моментально замурлыкавший. Весь в ожидании законной мисочки молока, ага. Вот только в этот раз вместо молока ему прилетело влажной кухонной тряпкой по наглой полосатой морде. Одновременно с пожеланием-приказом: заняться мышами в подполе, а то они совсем страх потеряли, не видя кота целыми месяцами. С рассветом вниз спустился хмурый князь, вежливо поздоровался, попросил кувшинчик сладкого ржаного кваса и на час исчез в основательно протопленной еще с вечера бане. Вернулся уже не таким сердитым, ополовинил горку свежей выпечки, и вроде начал отходить от дурного настроения – Марыся нет-нет да и поглядывала на его лицо самым краешком глаз. Увидев, что вроде бы момент вполне подходящий, хозяйка решила попытаться

счастья, задав вопрос насчет дочки. Точнее, насчет ее будущей учебы – муж-то на все вопросы только отмахивался да говорил, что и сам толком ничего не знает.

– Лет до шестнадцати в подходящем ей пансионе поучится. Не понравится, я ей домашних учителей найду. Ну а потом как захочет – или на художницу, или еще на кого. Или сразу замуж, если жених подходящий найдется.

Такой жизненный путь дочери у Марыси вызвал полное и безоговорочное одобрение (все не в поле горбатиться с утра до вечера). К ее большому сожалению, еще поговорить на такую интересную тему (будущее своего ребенка для любой матери – на одном из первых мест, уступая разве что его же здоровью) хозяйке не удалось – за окном забрежал и засуетился здоровенный лохматый кобель. Не просто так, конечно, а приветствуя вернувшегося из недолгой командировки Саввата. Кормильца и поильца, да и вообще подателя практически всех благ, какие только полагались добросовестному охраннику обширного двора. Кстати, насчет добросовестности – хозяйка, спеша встретить супруга, как-то совсем некстати вспомнила, что их пес ни единого раза не попытался цапнуть гостя. Который, между прочим, совсем недавно на пути в баню как-то мимоходом погладил его лобастую голову, совершенно не убоившись немаленьких клыков. И назвал его при этом не Шариком, а непонятным Шарабаном.

– А ну, пошел к себе! Кому говорю?!

Сигнализация и передвижной капкан в одном флаконе (а вдобавок еще и ненасытная утроба) тут же слегка поджала хвост и перестала весело облаивать гнедого жеребца, запряженного в сани. Гостинцев в этот раз глава семейства не привез, зато сам быстро обернулся – чем не подарок для жены с дочкой? Заведя свое роскошное средство передвижения на подворье, муж глянул по сторонам и первым же делом облапал свою благоверную. Увернулся от шутилого подзатыльника и клюнул-поцеловал холодными губами, попутно осведомившись: как там гость дорогой?

– Тебя ждет, выпечку пробует.

– А Улька где?

– Да она еще спозаранку к подружкам убежала.

Но, увы, сведения оказались частично устаревшими – к тому моменту, когда чета Вожиных вернулась в свой дом, его сиятельство так основательно распробовал оладьи, что их почти и не осталось. Так что он просто отдыхал от трудового подвига за столом, допивал оставшийся в кружке чай и время от времени с непонятной задумчивостью поглядывал на кота.

– Александр Яковлевич, может, еще наготовить?

– Да ну что вы, я и то, что было, еле-еле одолел. Так что благодарствую за угощение, теперь, пожалуй, до самого ужина не проголодаюсь.

Надо сказать, еще с Олькуша Марыся изрядно терялась, слыша от своего гостя столь вежливое обращение. Кто он – и кто она! Вельможный князь, офицер в немалых чинах, богатый настолько, что у нее просто воображение отказывало, – и разговаривает с ней исключительно на «вы». Ну, или когда особенно в настроении, заменяет более теплым – хозяйюшка.

Подхватив на руки привезенную мужем обновку, гость покрутил в руке левый сапог, покосился на греющегося на печке кота и удалился на второй этаж, собираться и готовиться к отъезду. А оставшиеся наедине супруги занялись делом: он усердно заработал ложкой, а она сидела напротив и с легкой улыбкой глядела за тем, как ест ее мужчина... До той самой поры, пока с улицы не донесся басовитый лай Шарика. Вышла посмотреть, кто там пожаловал – и почувствовала, как по сердцу прошелся легкий холодок затаенного страха. За калиткой обнаружился староста, но не он был причиной испуга – в двух шагах от общинного головы на утоптанном снегу стоял сам становой пристав, важно и в то же время с интересом рассматривающий двухэтажную резиденцию Вожиных.

– Чего стоишь, уйми псину! Не видишь, что ли, на кого лает?

В селе появление и простого полицейского урядника уже было событием тревожным, а тут такой чин пожаловал! Дождавшись, пока собачий голос утихнет, Прокофий Афанасьевич напористо поинтересовался:

– Савватей-то нынче дома? Ну так чего замерла как неживая, ве-ди давай!

Муж при виде станового пристава хотя и дрогнул лицом, но суетиться не стал, да и вообще проявил непривычное для чиновного гостя спокойствие, тем самым немало его удивив. Да и не только его – староста нет-нет да и поглядывал на осмелевшего непонятно с чего сельчанина.

– Вожин Савватей?

– Он самый буду.

Не услышав привычного «ваше благородие», становой пристав недоуменно приподнял кустистые брови и совсем было начал багроветь щеками, но все-таки сдержался и продолжил говорить:

– Мне донесли, что у тебя гость поселился, дрова колет, лопатой машет. А сам в больших чинах, да к тому же чуть ли не в дворянском достоинстве обретается. Так?

Грозные интонации в голосе и отчетливый намек на приближающиеся неприятности не услышал бы только полностью глухой и частично слепой собеседник пристава. Савватей услышал. Но не внял. Вместо этого, предварительно покосившись на Прокофия Афанасьевича, все так же односложно ответил:

– Так.

Опять не услышав про свое благородие, полицейский чиновник, против ожидания, даже сердиться не стал. Уперся в столешницу своими немалыми кулаками, навис над хозяином дома и с искренним недоумением спросил:

– Ты, Вожин, как я погляжу, совсем страх божий потерял? Ты как с властью разговариваешь, олух царя небесного? Мне «горячих» тебе выписать для вразумления или как?

Дружескую беседу прервал звук шагов. Размеренно-громкий, он совершенно по-разному подействовал на всех, кто находился в горнице: предводитель общины тревожно шевельнулся, становой замер в неподвижности, а Марыся и ее муж совершенно успокоились. Вернее, успокоилась она, а ее муж и так особо не волновался. Увидев же его сиятельство, чета Вожиных дружно удивилась: в Олькуше Александр Яковлевич носил погоны штаб-ротмистра и всего один орден на груди.

– С кем имею честь?

На парочку незваных гостей появление офицера подействовало наподобие хорошей плюхи: кратковременный ступор и настороженно-ошеломленное молчание. Староста очнулся первым и с некоторой тоской поглядел на дверь. Господин пристав, в свою очередь, моментально оценил стоимость материала, из которого пошили мундир. Не ускользнуло от его опытного взгляда и сияние двух орденов на груди – Анны и Станислава, а также полнейшее отсутствие какого-либо волнения или недоброжелательности. Легкое удивление было, не без того.

– Становой пристав Золотов, Платон Алексеевич.

– Князь Агреньев, Александр Яковлевич.

Четыре коротких слова сняли если не все, то уж точно большинство вопросов. Золотов и сам был из мелкопоместных дворян (хоть и простых, нетитулованных) – на его должность иных старались не назначать – и за свою полувековую жизнь успел повидать многое. В частности, ему моментально стало понятно, что молодой офицер носит свою форму по праву; он далеко не бедствует; гораздо выше его по сословной лестнице; и самое главное – может доставить ему кучу неприятностей. И как офицер, хотя бы и в отставке, и особенно как представитель высшей аристократии – только у них в каждом слове причудливо переплетались холодная вежливость и уверенная властность. Да и вообще, ротмистр в такие годы – это какая же лапа в верхах должна быть?

– Прошу прощения за беспокойство, мне донесли о... некоторых странностях в селе. Как я понимаю.

Пристав на мгновение прервался и метнул многообещающий взгляд на скукоживающегося на глазах старосту.

– Вышло небольшое недоразумение.

– Ничего страшного, Платон Алексеевич, бывает. Кстати, раз уж мы с вами свели знакомство, не окажете ли мне честь небольшой беседой? А ваш сопровождающий пока подождет вас за дверью.

Марыся, зачарованно наблюдавшая за происходящим в ее доме действием, очнулась только после небольшого тычка от мужа. Вскинулась, увидела его гримасу и кивок на пустой стол и тут же засуетилась, наполняя начавшуюся между полицейским чином и их гостем беседу вкусными и ароматными деталями.

– Прошу вас, располагайтесь поудобнее.

Золотов благодарно кивнул и заметно расслабился, настраиваясь на приятное общение. А за следующие полчаса он настолько пришел в себя, что даже осторожно поинтересовался: правда ли, что родовитый аристократ утруждал себя таким делом, как колка дров? Ну и прочими занятиями, несколько странными для князя и отставного ротмистра.

– Ну а что же в этом такого? Мне как-то по случаю рассказывали, что граф Толстой ходит босой. А одет и вовсе в крестьянскую рубаху-косоворотку и посконные штаны. Вот это действительно номер так номер!

– Ну, сей господин – известный затейник, нам ли на него равняться?

– Вы, вне всякого сомнения, правы. Хотя... Не так давно я был на охоте в Гатчине...

Пристав совершенно неожиданно для самого себя замер.

– ...и с удивлением узнал, что сам государь император иногда любит развлечься таким вот немудреным образом. Да и великие князья не брезгают подобным делом – по настроению, конечно.

От таких рассказов замерли вообще все присутствующие. Дальнейший разговор как-то сам собой свернул на нейтральные темы и стал понемногу угасать. Да и вообще, собеседник его сиятельства как-то внезапно вспомнил об ожидающих его делах и стал потихоньку собираться – успев между делом пообещать князю Агреневу присмотреть за его бывшим сослуживцем. Чтобы, значит, злые люди не обижали, и особенно из тех, кто властью не обделен. Попрощался, вышел за калитку... И тут же подозвал к себе исстрадавшегося в ожидании неприятностей старосту. Злорадно улыбнувшись, Марыся на пять минут прилипла к небольшому оконцу в сенях-прихожей, пытаясь разобрать все то «хорошее», что изливал на поникшую голову Прокофия Афанасьевича полицейский чин. К очень большому своему сожалению, так ничего и не услышала, но и увиденного оказалось вполне достаточно. Главный общинник всей своей фигурой излучал вселенскую тоску и печаль и явно очень сожалел о проявленном усердии. И надо сказать, излучение это заметно усилилось после того, как становой пристав соизволил потрясти своим пудовым кулачком возле носа старосты. Вернувшись в теплую горницу, хозяйка как раз успела услышать окончание легкого выговора-внушения, что делал офицер-пограничник своему бывшему денщику:

– Работа у него такая, за порядком следить. Понял?

– Понял, Александр Яковлевич. Растерялся я малость, чего уж там, вот и получилось невежливо.

– Ну а раз понял, недельки через две навести его с каким-нибудь гостинчиком, прояви толику уважения. Обязательно извинись, да в общих чертах обрисуй, чем следующий год заниматься будешь. Все равно сам спросит, рано или поздно.

Проследив, как муж покосился на бутылку со сливовой наливкой, женщина догадалась, что именно получит в подарок становой.

– Александр Яковлевич, а вот то, что вы про царя-государя говорили, – оно и в самом деле так?

Утвердительный ответ хозяин дома переварил с заметным трудом и даже некоторой оторопью – вид императора Александра Третьего с колуном в руках и разбросанными вокруг полянками в его голове не укладывался никак. Совсем никак, ибо рушил всю привычную картину мироздания, в которой император правил на благо своих подданных, военные да чиновники верно служили, а крестьяне пахали землю. Марысе же было не до удивления – вначале домой вернулась дочка, и ее тут же погнали мыть руки и испачканную в чем-то мордашку. Затем гость спустил со второго этажа весь свой невеликий багаж, и она вспомнила о необходимости собрать чего-нибудь в путь-дорогу. Так сказать, на недолгую, но очень вкусную память – и кусок свиного окорока в этом плане подошел как нельзя лучше. Увидев все эти сборы, к ним тут же подключилась Ульяна, подарив неродному, но уже вполне любимому дяде Саше свой альбом для рисования. На что он тут же поклялся повесить свой портрет на стене кабинета, в отдельной рамочке. Женщина слегка увлажнившимися глазами проследила, как князь что-то шепнул на ушко ее дочери, отчего та просто расцвела, поцеловал ее в подставленную щечку и разрешающе кивнул мужу, уже примеряющемуся к чемодану командира. Хорошего настроения Ульянке хватило ненадолго – хлопнула носом, виновато улыбнулась и убежала в свою комнату. Следом за ней подалась и Марыся, успокаивать и отвлекать.

– Ну что, Александр Яковлевич, присядем на дорожку?

Вернувшись, глава семейства мазнул взглядом по столу, не увидел недопитой им наливки (непорядок!) и слегка расстроился. Машинально погладил котейку, выгнувшего спину от ласки, и обратил внимание на задумчивый взгляд командира, которым тот уставился на уса-того полосатика.

– Ты знаешь, Савва, а кот-то у вас какой-то странный.

Хозяин моментально согласился, вспомнив, сколько обувки за последнюю неделю перепортила мурлыкающая под рукой мелочь.

– Молодой еще, дурной. Вы уж не сердчайте на него, Александр Яковлевич – скотинка бессловесная, что она может понимать?

– Да нет, я не про это. Ты хоть знаешь, что он не любит, когда я при нем крещусь?

– Правда, штоль?

Вместо ответа князь Агренов подошел чуть поближе и размашисто наложил на себя крестное знамение. А его бывший денщик отчетливо почувствовал, как на какое-то мгновение у него под руками дернулся Васька.

– Это как же так, а?

– Ну-ка, определи его на вон ту лавку!

Мужчина в самом расцвете сил и возраста растерялся как маленький ребенок. Но все же без дальнейших вопросов и промедления выполнил все, что было указано, усадив домашнего любимца подальше от себя. А его сиятельство огляделся по сторонам, немного нахмурился и снял со стены отцово наследство. Резко подошел, выставил крест перед собой... Савватей в полном остоленении смотрел, как, вздыбив шерсть и шипя, словно три гадюки сразу, его кот задним ходом подался на выход из угла, в одно мгновение перемахнул немаленькую горницу и скрылся за печкой.

– По мне, так зря ты его в доме держишь. Ну да ладно, то дело твое. Поехали?

Глава 2

Александр шел по слегка заснеженным улицам Санкт-Петербурга и старался ни о чем не думать, отдыхая после очень сложного двухчасового разговора. Встреча с солнцем русской химии и патриархом мировой науки господином Менделеевым принесла ему не только много радостных эмоций, но и некоторую головную боль, а также определенный сумбур в мыслях. Так как Дмитрий свет Иванович, после всех тех интересных сведений и не менее интересных заказов, что вывалил на него князь Агренин, вполне закономерно записал своего титулованного работодателя в особы, «имеющие некоторое представление о химии». Итогом такого признания стало то, что великий ученый несколько расслабился и стал обильно уснащать свою речь профессиональным сленгом химиков. Соответственно, и понимать его стало в разы и разы сложнее. Так как некоторые сокращения и термины, общепринятые в химической науке девятнадцатого века, звучали для Александра непонятной абракадаброй. Или вообще сущей ересью – с точки зрения правоверного (хоть и сильно недоучившегося) студента-химика, получившего свои знания на стыке двадцатого и двадцать первого веков.

«А пару раз так и вообще ничего не понял! Зато запомнил. Ладно, зайду в букинистическую лавку и поищу какой-нибудь справочник. Или словарь, русско-химического языка».

Зато теперь он знал, что просить Менделеева рассказать о чем-либо поподробнее очень опасно – тот самый случай, когда надо бояться своих желаний. Иначе вполне возможен кратковременный паралич мозга, пытающегося поддержать беседу на должном уровне, да и общий ступор организма просто-таки гарантирован.

Главным же итогом нынешнего утра стали три события – одно крупное и два сравнительно мелких. Первое: он своими руками потрогал опытную модель ацетиленовой горелки, перед тем как ее стали готовить к отправке в Сестрорецк. И второе: вскоре в Варшавский окружной военный госпиталь повезут на клинические испытания сразу четыре килограммовые банки кислоты. Разумеется, не какой-нибудь там серной или борной (зачем бы она там была нужна), а совсем даже ацетилсалициловой. Но чтобы не мучить знакомого доктора медицины столь зубодробительным названием, Александр подписал банки проще – «Аспирин». Месяца через полтора, кстати, по тому же адресу отправят еще одну кислоту, на сей раз аскорбиновую. Ну и самое главное – великий химик согласился возглавить институт имени себя. Точнее, пока всего лишь скромный исследовательский центр, именуемый еще более скромно – лабораторией Менделеева. Надо сказать, Дмитрий Иванович долго не соглашался, находил веские причины и постоянно ссылаясь на свою вечную занятость вопросами науки... Первый раз он засомневался, когда узнал, что у него будут сразу два заместителя – по административной части и вопросам снабжения. Второй – когда ему сказали, что учеников-помощников, вернее, их денежное содержание возьмет на себя компания РОК. Третий – когда узнал, что в Кыштыме под производство пирокolloдия и удобрений его рецептуры строят целый химический комплекс и конечно же он будет на нем самым желанным гостем. Было еще и четвертое, и пятое, и даже шестое, но окончательно его добил тот факт, что его попросили выбрать место, где будут (ежели он только даст свое согласие, разумеется) ставить-строить саму лабораторию и два дома-коттеджа для его жен.

Вспомнив весьма своеобразное семейное положение знаменитого на весь мир ученого, Александр улыбнулся. И почувствовал, что понемногу приходит в себя.

«Даже тут проявилась его оригинальность! Развестись с одной, жениться на другой и продолжать как ни в чем не бывало общаться с первой. Зачастую завтракая с Анной Ивановной, обедая с Феозвой Никитичной, а ужиная опять же в обществе молодой супруги. К тому же, насколько я понял, они и на отдых в Крым ездят таким своеобразным трио. И дети между собой дружат. Одно слово – настоящий самец!»

Уже подходя к зданию юридической конторы «Лунев, Лунев и сыновья», молодой мужчина немного замедлил шаг, на пару мгновений задумался, после чего вообще остановился. Постоял так несколько минут, тряхнул головой, приходя в себя, и спокойно продолжил свой путь. Параллельно вспоминая, сколько раз за прошедший год его сравнили с демоном-искусителем. По всему выходило, что много: так много, что он даже не смог подсчитать. Он соблазнял перспективами и намеками, играл словами и смыслом фраз так, что его собеседники неизменно оставались довольны, считая, что его предложения в первую очередь несут выгоду именно им. К примеру, те химики, которых рекомендовал его недавний собеседник, соблазнились материальным достатком (тоже, если подумать, не последняя вещь) и возможностью свободного творчества. То, что темы и направления этого самого творчества определял работодатель, их ни в коем разе не смутило. А многочисленных знакомцев неугомонного Герта, с завидной регулярностью появлявшихся на его горизонте, он даже и не пытался хоть как-то соблазнить – наоборот, те сами были готовы доказать свою полнейшую необходимость и предоставить самые лестные (для себя, естественно) рекомендации.

Подойдя к небольшому крыльцу при входе в контору, Александр без малейшего удивления констатировал, что дела у почтеннейшего Вениамина Ильича идут все лучше и лучше. Старая двустворчатая дверь, покрашенная в темно-бурый цвет, бесследно пропала, и на ее месте гордо сверкали любовно начищенными бронзовыми ручками (скорее уж поручнями) две новенькие лакированные дубовые створки. Неплохо смотрелась и табличка рядом с ними, извещающая любого, кто только мог читать, о приемных часах. Но лучше всего выглядел швейцар, плавно и в то же время быстро открывший ему дверь и не забывший при этом почтительно склонить голову.

«Интерьеры, как я посмотрю, тоже освежил. И молодежи добавилось – в прошлый мой визит народу в конторе было заметно меньше, а возрастом – заметно старше. А вот и хозяин».

Выглядел личный юрист князя Агренева не очень. Слегка похудел, под глазами просматривались еле заметные тени, да и вообще здоровым видом не блистал, но держался бодрячком, встретив долгожданного гостя ровно посередине своего кабинета. Поприветствовал, дождался ответной вежливости и с места в карьер начал обсуждение накопившихся дел:

– Александр Яковлевич, ну наконец-то! Я уж раза два в Сестрорецк ездил, справлялся, когда вас можно ждать.

– Позвольте узнать причину такого нетерпения?

Причина, а вернее, даже повод искать встречи со своим клиентом у стряпчего был вполне уважительный: потомки героев Эллады решили приобрести двадцать пять тысяч винтовок Мосина – Агренева МАг, столько же револьверов «Грав», ну и боеприпасы ко всему этому богатству. Причем в количествах просто неприличных – примерно на год интенсивных боев всей греческой армии, к тому же в полном окружении. Еще они спрашивали про кое-какую амуницию и возможность рассрочки. Ну и сроки исполнения. Причем последнее интересовало так, что они едва ли не подпрыгивали от нетерпения. На грани этого был и Вениамин Ильич, так как упустить такой контракт... Точнее будет сказать – любой контракт, где ему полагались приличные комиссионные. Так вот, это было просто выше его сил.

– Понятно. Скажите, а эти господа в курсе, что предлагаемая им винтовка несколько отличается от победившего на недавнем конкурсе образца?

– Да, и не имеют ни малейших претензий. Даже, я бы сказал, наоборот – им очень понравились эти отличия.

– Н-да. Ну что же, начинайте готовить бумаги, точные сроки я назову после беседы со своим управляющим.

Юрист слегка замялся:

– Совсем забыл вам сказать, Александр Яковлевич. Я уже имел с ним разговор касательно этого вопроса. Андрей Владимирович твердо заверил меня, что ему представляется вполне

возможным выделатъ всю партию в полгода. И бумаги давно уже готовы. Собственно, все мы ждем вашего решения...

– И все-таки, с вашего позволения, Вениамин Ильич, вначале я должен принять доклад управляющего. Впрочем, и затягивать это дело тоже нельзя, так что назначайте встречу с греками на послезавтра.

Стряпчий прямо на глазах стал выздоравливать: в глазах появился довольный блеск, а на лице – легчайший румянец.

– Слушаюсь. С вашего позволения, я продолжу?

Чем дольше говорил Лунев, тем больше понимал князь причины столь нездорового вида своего собеседника. Начинаясь сидеть юрист потрудился и сделал столько, сколько и десятку молодых не зазорно сделать. Отправил нескольких своих подчиненных в далекую Испанию – там внезапно решили перевооружить свою армию чем-нибудь поновее и организовали соответствующие испытания и конкурс. Отслеживал аналогичные испытания в Чили – они как раз подходили к своему завершению. И вроде бы месяца через три стоило ждать гостей из Латинской Америки, так как изделие герра Манлихера чилийскую военщину не устроило, а другие претенденты смотрелись еще бледнее. Помимо дел оружейных, Вениамин Ильич не забывал и о других своих обязанностях, все так же добросовестно окучивая отечественных и иностранных предпринимателей на предмет продажи им лицензий. Правда, делал это все больше руками своих подчиненных, число коих не так давно перевалило за шесть десятков человек. Разумеется, не забывал он и отдыхать от трудов праведных – в основном в Москве и ее пригородах, где подыскивал для своего клиента лакомые кусочки недвижимости...

– Вот, для простоты восприятия я отметил на карте города все интересные нам участки земли.

– А что означают эти цифры?

– Это я для порядка, Александр Яковлевич, чтобы ничего не упустить и не перепутать. Шлеп!

На карту улеглась стопка исписанной бумаги, с характеристиками возможных приобретений. Места для постройки доходных домов, для размещения будущих заводов и магазинов, ну и на отдельном листке – для устройства московской резиденции князя Агренева.

– Если приобрести городскую землю в Большом Харитоньевском переулке, то будет место под застройку, причем совсем рядом с Мясницкой. Чуть подальше, в Пречистенской части, а еще точнее, в Гагаринском переулке – усадьба Нащокиных. Почти в десятину размером и всего за полтора-два тысяч. Еще чуть дальше, на углу со Староколюшенным, два участка у князя Гагарина – полторы десятины, двести шестьдесят тысяч на ассигнации. В той же части есть еще две усадьбы: Афросимовых, с хорошими строениями и обстановкой, в Обуховом переулке, за двести сорок тысяч, и задами к ним, в Денежном переулке, у Ермоловых – тоже в прекрасном состоянии, с садом, и всего за сто тридцать тысяч. – Докладчик на мгновение замялся. Глянул на карту, листнул записи и тут же продолжил: – Также есть несколько больших и при этом недорогих домовладений в Арбатской части, у Спиридоновки и Поварской. И вариант с покупкой городской земли в Огородной слободе и Большом Харитоньевском. Конкретных переговоров о цене провести не успели, но если надо...

Молодой аристократ несколько минут помолчал, после чего утвердительно кивнул – надо.

– Теперь по поводу ваших финансов.

Стряпчий встал, дошел до громадного стального сейфа, по какому-то странному недоразумению называемого просто несгораемым шкафом для ценных бумаг, и с некоторой натугой открыл правую створку. Пошуршал многочисленными укладками и папками с пружинным переплетом (некоторые новинки он успевал оценить самым первым) и вернулся обратно.

– Вот-с, прошу – детальный отчет по всем вашим счетам.

Судя по некоторым ноткам в голосе Вениамина Ильича, вначале он хотел добавить что-то вроде «тем, которые мне известны». Но природная скромность все же оказалась сильнее мимолетного любопытства. Убрав в сторону очередную порцию важных бумаг, Александр жестом попросил продолжать дальше, но вместо этого Лунев опять отправился к своему огнеупорному шкафчику.

– Письма от господ Лодыгина, Вестингауза и Теслы. А в этом пакете – подробнейший доклад Арчибальда о текущем состоянии дел.

С легким треском надломив сургуч печати, молодой аристократ быстро заскользил глазами по удивительно ровным и четким строчкам первого письма.

«Угу-м, готов сотрудничать, выражаю благодарность, с интересом рассмотрю все ваши предложения. Не понял, что значит – по ряду причин опасается возвращаться на родину?! Злые кредиторы ждут, что ли? Или электрический стул раньше времени изобрел и опробовал на ком-то?»

Во втором письме Вестингауз тоже жаждал посотрудничать с русским фабрикантом, с нетерпением ждал конкретных предложений и вообще был готов направить своих представителей куда угодно для переговоров на любые коммерчески привлекательные темы. А если эти самые предложения окажутся ну очень сильно интересными, обещался и сам прибыть, в самые сжатые сроки. Прямо даже неудобно перед человеком становилось... В отличие от энергичного американского деловара, серб Никола Тесла никуда ехать не хотел – ему и на том континенте было вполне хорошо и комфортно. Но принять заказ на какую-нибудь интересную для него тему был согласен – как говорится, и то хлеб.

«Что бы ему такое подсунуть, чтобы потом лет десять о нем не вспоминать?»

Быстро перебрав самые бредовые идеи, Александр довольно хмыкнул и прямо на письме написал непонятное для юриста слово.

«Чем всякой ерундой вроде радио баловаться, пускай серьезным делом займется, антигравитатор изобретает. И беспроводной передачей электроэнергии озаботится, чтобы на проводах не разориться».

Самое последнее письмо оказалось и самым интересным. Скупка бескрайних просторов Техасщины потихонечку началась, и доверенное лицо, а по совместительству полноправный гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов Арчибальд Лунефф выражал по этому поводу осторожный оптимизм. А также твердую уверенность, что в смету расходов он ну никак не уложится. Потому что завязывание дружеских отношений с сенаторами и «прикармливание» полудюжины газет оказалось весьма и весьма затратным занятием.

«Так, пора подумать о контролерах этого юриста-финансиста. И было бы неплохо организовать за ним постоянный присмотр – во избежание лишних соблазнов, так сказать. Что у нас дальше?»

Дальше Арчи удалось блеснуть своим профессионализмом и раскрыть некоторые детали биографии ученого-эмигранта. Объясняющие столь непонятную робость в деле возвращения на историческую родину.

«Увлекался идеями народовольцев, был на подозрении Третьего отделения как сочувствующий им. Эмигрировал в САСШ. Хм, а чего так резко? Понятно: как взорвали предыдущего государя-императора, так и проснулась сильная тяга к новым местам, а также резкое неприятие заснеженных сибирских просторов. Впрочем, у каждого свои недостатки. Список патентов?... О, такие люди нам нужны!»

– Надо подумать, как его заполнить...

– Простите, Александр Яковлевич?

– Я немедленно отправляюсь в Сестрорецк, вернусь самое позднее – завтра вечером.

– Значит, послезавтра?..

– Да, переговоры – на полдень.

Собирая самые ценные бумаги в любезно предоставленный юристом портфель (все остальные документы остались дожидаться плечистых курьеров с бронечемоданами – уж больно много накопилось важной документации), оружейный магнат все так же задумчиво повторил:

– Надо подумать, определенно надо.

– Князь, вы мало бываете на публике, слишком мало – нельзя так долго пренебрегать светской жизнью.

Тридцатилетняя аристократка улыбнулась и спокойно, без всякого кокетства, посмотрела в глаза собеседнику. Она была красива. Очень. Нет, не так – она была ошеломляюще, невозможно, просто невероятно красива. Настолько, что почти не пользовалась косметикой, ибо в той просто не было никакой нужды. Ее внешность и так действовала на неподготовленного мужчину наподобие доброго удара в челюсть, так что со вкусом подобранные платья и драгоценности всего лишь оттеняли ее природные данные. Мало того, она ко всему еще и наследовала почти все колоссальное состояние своего отца – и это чудовищно убийственное сочетание красоты и по-настоящему больших денег сводило с ума многих и многих из тех, кто добивался ее благосклонности. Некоторым везло, и некую толику дружелюбия от аристократки, известной далеко за пределами империи, они все же получали. Другие за счастье почитали быть просто принятыми в доме Юсуповых. Третьи не оставляли надежды на нечто большее, чем простая дружба и ровное общение – но повезло только одному, даже и не посягавшему на внимание юной княжны. Граф Сумароков-Эльстон всего лишь сопровождал наследного болгарского принца Баттенберга, одного из многих претендентов на сердце и руку русской красавицы...

– Общество мною недовольно?

– Скорее оно в недоумении и гадает о причинах такого затворничества. А также о том, как долго оно будет продолжаться.

Разумеется, после замужества количество воздыхателей резко поубавилось, но и оставшихся было раз в десять больше, чем у любой другой светской дивы. И тем интереснее ей было беседовать с человеком, равнодушным к ее внешности и богатству – уж это она почувствовала сразу.

Графиня Сумарокова-Эльстон слегка качнула головой и почти привычно-изящным движением откинулась на изогнутую спинку небольшой софы. После чего еще раз обозначила улыбку, приглашая своего собеседника к ответу.

– Понимаю. Или ты займешься светской жизнью, или она займется тобой? По всей видимости, слухов обо мне ходит превеликое множество.

В этот раз улыбка была вполне отчетливой и к тому же дополнилась очень мелодичным смехом.

– Все так и есть, вы угадали. И все же, почему вы неизменно отклоняете все приглашения?

– Ну почему же все? Ваше принял, причем с большим удовольствием.

Зинаида Николаевна на несколько мгновений задумалась, непроизвольно поглаживая при этом удивительно крупную жемчужину, украшавшую ее «скромный» домашний наряд. Небольшая, но крайне любимая безделушка стоимостью в пару сотен тысяч рублей, а также с собственным именем и историей. Еще раз качнула головой и с нейтральной интонацией протянула:

– В первых числах февраля мы устраиваем бал...

– Почту за честь, Зинаида Николаевна.

Достигнув полного согласия и взаимопонимания, гость и хозяйка с четверть часа поговорили на отвлеченные темы, после чего Александр изобразил на лице приличествующую

моменту тень сожаления и объявил, что вынужден откланяться. Приложился к изящной ручке, выразил надежду на скорую встречу и едва не пропустил появление лакея за своей спиной – до того тот бесшумно и плавно передвигался.

«Однако! Прямо не слуги, а духи бесплотные – паркет под ними не скрипит, ногами не шаркают, резких движений не делают. Видимо, потомственные лакеи. Или это их так выдрессировали?»

Задумавшись над тем, где и как обучают многотрудному лакейскому ремеслу, молодой аристократ даже не запомнил, как дошел до прихожей (в которой вполне можно было одновременно принимать гостей числом с роту – размеры позволяли), натянул на руки перчатки и небрежным жестом принял от дворецкого свою шляпу.

– Всего хорошего вашему сиятельству!

Не отвечая (замечать прислугу было дурным тоном), зато вроде бы в никуда кивнув, он водрузил головной убор на положенное ему место и спокойно прошествовал к выходу. Где дюжий швейцар тут же потянул могучую створку двери на себя, умудряясь выглядеть при этом и важным, и подобострастно-почтительным. Миновав встрепенувшегося было извозчика, князь все в той же неспешной манере двинулся по заснеженной гранитной мостовой вдоль длинного трехэтажного особняка, который так и хотелось обозвать нескромным словом – дворец. Впрочем, воочию познакомившись с интерьерами фамильного гнезда Юсуповых, их гость только утвердился в том мнении, что по-другому его называть не было никакого смысла. Так как именно дворцом этот громадный особняк и являлся – старинным, сурово-строгим снаружи и мягко-уютным внутри. Правда, уют был с легкой примесью музейности: картины, гобелены, золоченая лепнина потолка и роспись стен, наборно-узорчатый паркет, а также многочисленные ценные и просто затейливые безделушки. Статуэтки, шелк и атлас, мебель чуть ли не позапрошлого века... Все это вместе создавало совершенно особую атмосферу спокойной неги и расслабленности на фоне поистине византийской роскоши. Которой хозяева совершенно не тяготились, даже можно сказать, что и не замечали – вот уже три поколения потомков знатного ногайского бека Юсуфа рождались и умирали во дворце на берегу небольшой речки Мойки, считая его всего лишь любимым домом.

«И, как мне кажется, последний из рода по мужской линии может вскоре присоединиться к своим предкам. А жаль, не самый плохой человек на этом свете».

Отдавая обещанный Николаю Борисовичу визит, молодой аристократ совсем не ожидал увидеть его в таком виде. Нет, костюм и манеры у князя Юсупова были привычно безукоризненны, а речи – приветливы и мудры, но вот здоровье явно пошаливало – полнота, одышка и набрякшие веки об этом разве что не кричали. Слишком уж часто для здорового человека он делал паузы и покрывался легкой испариной. Поэтому, когда хозяин дворца извинился и оставил своего компаньона на старшую дочь Зинаиду Николаевну, тот воспринял это с пониманием – любому было видно, что князю плохо. Настолько плохо, что даже удивительно, как его приняли – в аналогичной ситуации сам Александр посылал бы всех посетителей куда подальше. Из собственной постели или даже койки в лазарете – таким слабым-слабым, но в то же время очень энергичным голосом. Тем не менее признанная дива высшего света (некоторые, особо тонкие ценители женской красоты называли ее коротко – Сияние) спокойно подхватила эстафету гостеприимства, при этом ничем не показывая своей тревоги за любимого отца, и довольно быстро и непринужденно подвела разговор к тому, что ее интересовало больше всего.

«Впрочем, надо признать, что интерес этот был как минимум обоюдным. На таком мероприятии, как «домашний» бал князей Юсуповых, будет весь цвет имперской аристократии, а значит, есть хороший шанс завязать полезные знакомства».

Молодой мужчина в светлом кашемировом пальто вздохнул и едва заметно прибавил шагу, немного сожалея о потраченном времени. А с другой стороны – он познакомился с ред-

костной красавицей и неожиданно получил приглашение на закрытое и просто до неприличия статусное мероприятие. Значит, день прожит не зря!

Несмотря на общее плохое самочувствие, выглядел Вениамин Ильич Лунев на все сто. Даже, пожалуй, что и на все сто пятьдесят. Тысяч рублей – именно столько комиссионных ему обломилось после заключения «эллинского» контракта. Кстати, и самочувствие его тоже было одним из последствий этого столь приятного карману и сердцу события – в его возрасте столь обильные возлияния все же были противопоказаны. А вот представители небольшого, но жутко миролюбивого и суверенного государства Греция в деле празднования удачной сделки проявили просто-таки выдающуюся сноровку и опыт. Нет, во время обсуждения условий договора они тоже не сплеховали, настойчиво добиваясь наилучших для себя условий (так убедительно плакались про свою бедность и крайнюю нужду, что едва сами в нее не поверили), но все ж таки заседать в ресторане у них выходило заметно лучше. Особенно за чужой (то есть княжеский) счет. Вообще, у владельца Русской оружейной компании появилось такое впечатление, что покупатели привезли с собой как минимум по одной запасной печени. Ну или некоторое время серьезно стажировались в старейших полках русской императорской лейб-гвардии. Например, у преображенцев – эти господа что шампанское, что водку хлебали даже не стаканами, а аршинами. То есть наливали сотню-другую бокалов-рюмок, выставляли их вдоль стола и принимались за дело, под зоркими взглядами товарищей. Два-три аршина водки «на грудь» для офицеров этого славного своими вековыми традициями полка были обычной дневной нормой. А семь-восемь – квалификационным тестом на профпригодность, а также экзаменом для недавних юнкеров, возжелавших влиться в тесные ряды лейб-гвардии Преображенского полка. Конечно же обитатели Средиземного моря столь серьезное испытание не прошли бы, но вот норматив рядового гвардионца почти все они выполнили достаточно легко. В отличие от пожилого юриста.

– Александр Яковлевич, вы были правы.

– В чем?

– Надо было мне покинуть наших гостей вслед за вами. А теперь вот с мигренью хожу, да-с...

Князь молчаливо согласился. Вообще-то, судя по легчайшему румянцу, блеску глаз и общей живости господина Лунева, бокал-другой антипохмелина тот уже выпил. Так что со своей мигренью мог не только ходить, но и спокойно себе бегать и уж тем более обсуждать деловые вопросы. И первым из них была очередная просьба-приказ из серии «пойди туда, вроде знаю куда, и найди мне того, примерно знаю кого».

– Цеппелин? Судя по всему, этот господин немец.

– Верно. Все, что мне о нем известно, – вот на этом листке.

Радость стряпчего была преждевременной, так как знал его клиент на удивление мало. Всего три факта: искомая личность увлекается вопросами воздухоплавания, проживает во Втором рейхе, ну и имя-фамилию. Все!

– Будет исполнено, Александр Яковлевич.

– Надеюсь на вас. Далее: надо бы окончательно урегулировать вопрос с господином Бенцем касательно его и моих патентов.

Тут Вениамин Ильич не сдержался и понимающе кивнул – адрес этой личности ему был известен. Кивнул и тут же замер. Но, к его удивлению и даже удовольствию, мигрень на такие вольности внимания не обратила.

– Кстати, о них. Вот три новые заявки, оформите их обычным порядком. И еще. Я думаю, надо распространить действие всех моих патентов на Японию. Вы ведь знаете, где находится эта страна?

– Признаться, крайне смутно.

– Тем не менее... Далее: вот эти письма надо передать адресатам лично в руки. Надеюсь, ваш брат найдет такую возможность?

– Тесла, Лодыгин, Вестингауз... Вне всяких сомнений, Александр Яковлевич. Кстати, через две недели мой племянник, Филипп, отправляется к своему отцу. Возможно, у вас есть для него какие-либо сопутствующие поручения?

– Нет. Хотя?... Насколько я понимаю, обратно он вернется не скоро?

– Да, Арчибальду крайне необходимы его помощь и поддержка. Собственно, он и Геннадия приглашал, причем неоднократно, и моих сыновей переманивал.

Говоря все это, хозяин юридической конторы добродушно улыбался. И с той же улыбкой пожаловался на самого князя – дескать, такими темпами у него в конторе ни одного родственника не останется.

– Насмотрелись на Геннадия и тоже возжелали самостоятельного дела.

– Что, все сразу?

– Пока только Виктор, старшенький мой.

– Я подумаю. А по поводу вашего племянника – небольшое поручение у меня для него все же есть. Так что сегодня, в восемь вечера, я жду его на своей квартире.

Александр немного помолчал и начал излагать последнее поручение для стряпчего:

– Вениамин Ильич, помните, я просил вас узнать о баронессе Вительсбах?

– Ну как же! Софья Михайловна, ежели я только не ошибаюсь?

– Нет, все правильно. К моему глубочайшему сожалению, я так и не узнал ее нынешнего местобитания. Принадлежащий ей особняк в городе продан, в поместье сидит управляющий, который утверждает, что свою хозяйку не видел столько же времени, сколько и я. Ренту он пересылает на именной счет в один из банков, как и отчеты о своей деятельности. Какой именно банк – он говорить отказался категорически, ссылаясь при этом на указание своей хозяйки.

Лунев озадаченно покашлял и осторожно пообещал сделать все, что только в его силах. А заодно попросил, если это возможно, уточнить, по какому именно поводу князю Агреневу вдруг понадобилась давняя знакомая.

– Не так давно я узнал одну новость. Неожиданную, но вполне приятную, и очень хочу обсудить ее с баронессой. Очень!

Глава 3

Мужчина размеренно махал метлой, не отвлекаясь на прохожих, время от времени мелькавших у него перед глазами. Мысли его текли ровно, настроение было хорошее, как и полагается в выходной день, – и даже очередное дежурство «по метле» совершенно не тяготило. Всего-то делов – раз в две недели навести порядок рядом с крыльцом да притащить жене воды для уборки в подъезде.

Шух-х-шух-х, шух-х-шух-х...

Когда мести оставалось всего ничего, гибкие прутья метелки хлестнули по смутно знакомым валенкам. Порядком уже истрепанным и поношенным, но все еще крепким – разве что подошвы не мешало бы наново кожей подшить, старая совсем уж поистерлась. Подняв голову, Мартын тут же заулыбался.

– Ну здорова, брат! Смотрю, в дворники подался?

– Федька? Здорова, я бык ты корова! Ты когда приехать должен был, а? Пехом, что ли, добирался?

– Не, я, как все белые люди, на чугушке⁴. Слушай, вон те двое за мной от первых домов идут, и поглядывают как-то нехорошо. И сами они мужики подозрительные. Да ты чего ржешь-то?

«Мужички» в форме заводской охраны как раз подошли поближе. Но увидев, что приезжего встретили и даже обняли, тут же потеряли к нему интерес и, развернувшись, пошли в обратную сторону.

– Потом скажу.

Орудие недавнего труда моментально было забыто – какая уж тут метла, когда родная кровь в гости припожаловала! Похлопав друг друга по плечам, два брата от души обнялись, после чего старший забрал из рук младшего что-то среднее между котомкой и простым узелком и повел того в свою обитель на втором этаже. Первое, что сделал Федор, оказавшись в прихожей, так это в матерной форме позавидовал жилищным условиям, в которых приходилось ютиться его старшему брату. Между делом сравнив его замашки с господскими – это ж додуматься надо, специальная вешалка для шубеек!

– Ты бы еще для каждого сапога по отдельной полке сколотил!

Получив от старшего легкий подзатыльник, мужчина тут же исправился, громогласно и очень вежливо пожелав здоровья хозяйке, несколько отвыкшей от простых деревенских нравов. А заодно (можно сказать – оптом) и племянникам с племянницами. Разумеется, сразу после того, как они сами первыми поприветствовали дядьку. Гостя раздели, указали, где рукомоЙник (опять в отдельной комнате!), после чего так основательно накормили-напоили, что у Федора не осталось никаких сил удивляться дальнейшим чудесам. Пять комнат, новая мебель вроде угловато-массивного шкапа или кроватей, странная кухонная утварь, стены двух комнат, оклеенных полосами бумаги с затейливым рисунком, – все это молчаливо кричало о том, что брат Мартынка вполне успешно зарабатывает и на хлеб, и на толстый слой масла сверху. Или мяса. А еще от этого неслышного вопля у младшего брата начали гореть уши – до того сильно брала досада, что посмеялся в свое время над посулами вербовщиков. К вечеру и уши, и душа мастерового Людиновского паровозостроительного более-менее успокоились, поэтому первую четверть часа начавшихся посиделок он передавал хозяевам приветы от родни и многочисленных знакомых. Затем прошелся по новостям и видам на урожай (хреновым, если честно),

⁴ Первоначально рельсы отливали из чугуна – поэтому и чугушка. Причем такое название продержалось примерно до 20 – 30-х годов двадцатого века.

отчитался на тему, кто родился или умер (среди все той же родни и знакомых), и только после этого перешел к важной для себя теме.

– Это что же, все мастеровые на фабрике так живут?

– Я тебе не какой-нибудь там токарь-слесарь, а бригадир. Фигура!

Мартын многозначительно потыкал указательным пальцем в беленый потолок и тут же получил незаметный тычок под ребра от любимой половинки.

– Пусть и маленькая, – самокритично и даже скромно признал он свою ошибку. – А живут примерно одинаково.

– Что, вот все прямо как ты, в пятикомнатных хоромах?

Хозяин каким-то странным жестом погладил-почесал левую сторону головы и честно признался:

– Нет, это только мне так повезло. У начальства на хорошем счету, недавно сам Хозяин приметил. Квартирой вот похвалил, до того в двухкомнатной жили. – И опять погладил голову.

– Ишь! Молодец.

– А то!

За небольшой тост последнее высказывание пошло просто замечательно. Поставив обратно на стол граненые стопочки – у мужчин пустые, у женщины на две трети полная, – родственники закусили-занюхали каждый по своему вкусу и подошли к обсуждению главного вопроса.

– Значит, так. Поговорил я с кем надо, поспрашивал, и вот что мне сказали. На фабрике свободных мест больше нет, но людей набирают. Вроде как Хозяин где-то новые заводы открывать будет, так вот туда. Возьмут сразу, я договорился. И тебя, и остальных наших, кто захочет.

Федор едва заметно приуныл, и это не осталось незамеченным.

– А еще меня один хороший человек надоумил, как можно и на фабрику устроиться.

Во взгляде брата читалась надежда, а вот у жены – удивление, приправленное гордостью за мужа.

– При фабрике курсы есть, запишешься туда. Жить у нас будешь. Поучишься, и если свой третий разряд подтвердишь – возьмут на испытательный срок. Поработаешь, люди на тебя посмотрят, ты на людей, покажешь себя, а там, глядишь, и на постоянную перейдешь. Наверное, тут я точно не знаю. Как, обойдутся твои месяца три-четыре без тебя? А то, если надо...

– Да нет, до весны всего хватит.

Но уверенности в этом заявлении все же не доставало. Поэтому супруги Бусыгины переглянулись, одновременно вспоминая, что на то они и родственники, чтобы помогать. Сегодня ты, а завтра тебе – на этом, как известно, весь мир стоит. Задав своим авторитетом старшего брата все возражения, Мартын предложил по такому хорошему поводу еще немного понизить уровень водки в штофе, что все с облегчением и сделали. После чего младшенький стал спрашивать о курсах – что за зверь такой и с чем его едят. И насколько третий разряд от четвертого отличается, в смысле расценок и жалованья.

– Да, кто бы другой мне рассказал, так подумал что дурят. Слушай, а вот если у человека пятый? Или даже шестой, а?

– Шестой!.. Таких на всю фабрику и двух дюжин не наберется. Хозяин их всех в лицо знает, по имени-отчеству величает, даже, говорят, и руку не гнушается пожать при случае.

– Ишь ты! А живут они как?

– Да как в раю. Квартирка почти бесплатная, мебели в ней – тоже, случись приболеть самому или там кому из семьи – тут же дохтур прибежит, ну а кто заплатит ему за труды и микстуры, ты уж, поди, и сам понял. Денег взаймы можно взять сколько хочешь, без процентов. Только мало кто берет, им это без надобности.

– Как так?

– Да у них за неделю жалование больше, чем у меня за месяц!.. А уж мне, чтоб ты знал, на это дело грех жаловаться. С таким достатком зачем в долги лезть? Короче, хорошо они живут. Ладно, засиделись мы, а завтра суеты да беготни много будет. Давай-ка еще по одной, да на боковую. Ну будем?

– Будем!

Двадцатого декабря одна тысяча восемьсот девяносто первого года, в небольшом городке Людиново состоялось историческое событие. Не сказать, что совсем уж большое, но по меркам некоторых уездов Брянской и Калужской губерний вполне значительное.

– Кха!..

Первое официальное собрание акционеров Товарищества Мальцевских заводов началось с того, что бывший владелец занял место председателя. Оглядел всех орлиным взором, с некоторым трудом задавил радостную улыбку и кашлянул снова, прося тишины:

– К моему глубочайшему сожалению, неотложные дела не позволили присутствовать на нашем собрании князю Юсупову. Его интересы будет представлять господин Юрьев. Далее, то же самое в отношении графа Игнатьева предпримет Юрий Степанович.

Нечаев-Мальцев с достоинством качнул головой, подтверждая, что все сказанное верно.

– Ну что же. Слово Петру Ионовичу.

Губонин не стал ни кивать, ни кашлять – вместо этого он раздал всем присутствующим папки с документами и акциями, а также чековые книжки Волжско-Камского банка. После чего предложил обсудить главное. А главным на данный момент был денежный вопрос.

– За то время, что товарищество находилось под казенным управлением, оборудование новее не стало. Да-с, не стало. И ремонтировали его с большой неохотой, да что там – вообще не ремонтировали.

Поглядев по сторонам, титулованный купчина покосился на председателя и продолжил изливать «оптимизм» на своих слушателей. Станки устарели, рабочие разбежались, поставщики нагляют и вздувают цены, руда беднеет, и недалек тот день, когда металл надо будет закупать на стороне. А так все хорошо, ага. Закруглил он свой монолог достаточно скоро (и десяти минут не прошло), напоследок озвучив следующее: господам акционерам предлагалось срочно изыскать тысяч семьсот – восемьсот на первоочередные нужды. А попозже еще тысяча триста – четыреста, на разного рода мелочовку, вроде новой оснастки для станков. И проводить изыскательские работы в карманах и финансовых закромах надо было достаточно быстро, так как уже на подходе крупный заказ для строительства Транссиба и, если его не возьмет товарищество, мигом набегут сволочи-конкуренты.

– Возможно, у кого-то будут предложения?

В ответ все многозначительно промолчали, изобразив на лице сильную задумчивость, в том числе и князь Агренов. Вот только причины немногословности Александра были совсем другие – на пути в Людиново он обнаружил очень настырных попутчиков. Вернее, поначалу у него просто случился внезапный приступ паранойи. Коя выразилась в очень четком ощущении чужого внимания к собственной скромной персоне – достаточно пристального, но в то же время странно нейтрального в отношении угрозы. Случись на месте князя кто другой, так он скорее всего такого внимания и не заметил бы, а вот для отставного офицера пограничной стражи даже легкого дуновения столь знакомого чувства было вполне достаточно. Девятимиллиметровый «малыш» переехал из скрытой кобуры в карман пальто, в глазах появилась приветливая внимательность, а в душе – постоянная готовность немного поработать указательным пальцем и легкое сожаление об отсутствующем ноже. Будь проще, и люди к тебе потянутся – и в полном соответствии с этой поговоркой Александр просто смотрел на окружающих и старался запомнить всех, кто только попадался ему на глаза. И увидел-таки людей, которые тяну-

лись именно к нему. Вернее, за ним: он в поезд – и они в поезд. Он в экипаж – и они следом. Сладкая парочка, гусь да гагарочка, чтоб им пусто было!..

«Точнее, два гуся, не очень приметной наружности. Неужели сподобился и ко мне наблюдение приставили? Интересно только кто – жандармы или их подопечные?»

Так что голова у молодого акционера была занята совсем другим. С одной стороны, филеров всего двое, и при желании он достаточно легко отправит их к Харону. С другой – а если это «привет» от Третьего управления собственной его императорского величества канцелярии? Или Особого департамента полиции? Тогда его могут неправильно понять. А если окажется, что пропавшие сотрудники были достаточно ценными – так и вообще обидеться. Сложный выбор, однако!

«Ладно, торопиться не будем, пока просто понаблюдаем».

– Значит, предложений не будет, – почти с искренней печалью констатировал Губонин. Увы, но возможностью дополнительно вложить свои деньги, причем с неопределенным, и уж точно не скорым результатом-отдачей, так никто и не заинтересовался. Зато единогласно (Мальцев хоть и со скрипом, но все же согласился) одобрили инициативу Петра Ионовича насчет того, что надо бы продать лишние активы принадлежащего им акционерного общества. И за счет полученных денег решить вопрос с модернизацией и ремонтом заводов – а если хорошо постараться, так и прибыль кое-какую получить. Кивнув сам себе (типа я и не сомневался в вашей поддержке, господа), купец-банкир тихим голосом стал перечислять все то, что висело свинцовой гирей на ногах новорожденного товарищества. Вот тут скромность и стеснительность некоторым из присутствующих все же изменили: предлагаемое к продаже стекольное производство тут же застолбил за собой господин Нечаев-Мальцев, как и большой кусок земли рядом с Калугой. Лесопилки и винокурни никого не заинтересовали, как и кирпичные заводи, – соответственно, все это богатство отошло калужским купцам. И ведь что интересно – заводи продали, а вот глиняно-песчаные карьеры просто сдали в аренду. Далее решили судьбу слегка обветшавшей недвижимости в Санкт-Петербурге, Москве и Нижнем Новгороде – выставить на продажу по максимальной цене. Когда очередь дошла до фаянсового производства, за своего хорошего знакомого господина Кузнецова замолвил словечко сам Губонин. Что-то вроде «для вас, господа, это несущественная мелочь, а моему приятелю она в самый раз будет». Надо сказать, что и сам Александр не остался в стороне от столь увлекательного процесса: когда очередь дошла до брянских земель, где много глины, мела и прочего очень полезного материала для выделки цемента, он тут же поинтересовался, когда сможет считать его своим. Узнав, что как только, так сразу (то есть после поступления денег на счет товарищества), молодой акционер задал уважаемым компаньонам вопрос: а нельзя ли устроить небольшой бартер?

– Это каким же таким образом, Александр Яковлевич? Поясните?

– Охотно, Сергей Иванович. Видите ли, на моем металлургическом заводе в числе прочего есть все необходимое для производства как рельс, так и колесных пар. Оборудование самое что ни на есть современное, германской выделки, отменного качества, и я просто уверен, что оно окажется весьма к месту на Людиновском паровозостроительном заводе. Также отмечу, что в этом случае модернизация завода будет закончена в самые кратчайшие сроки. Скажем... месяца в полтора-два.

Господин председатель на несколько минут впал в глубокую задумчивость, отчасти схожую с комой, а потом заскользил взглядом по лицам остальных совладельцев.

– Господа, ставлю этот вопрос на голосование. Кто за? Против? Благодарю, господа. Александр Яковлевич, ваше предложение принято.

«Еще бы вы не приняли. Участок оценили в сто восемьдесят тысяч, а станки и прокатный стан обошлись мне почти в двести пятьдесят».

Тем не менее такой неравноценный обмен был выгоден и товариществу, и самому князю. Так как оба они избавились от ненужного в обмен на полезное. Фабрикант с легкой душой отдал оборудование, для которого так и не смог найти ни одного заказа. А акционерное общество не менее легко рассталась с куском голой земли, на которой, кроме полыни и одуванчиков, никогда ничего и не росло. Да и те размерами не впечатляли.

– Господа, я думаю, нам стоит ненадолго прерваться. Скажем, полчаса?

Стоило только Сергею Ивановичу объявить о небольшом перерыве, как акционеры тут же разделились на две группы: в первую вошли такие «старички», как Губонин, Нечаев-Мальцев и Мальцев, а также господин Юрьев, а во вторую – «молодежь» в лице князя Агренева и просто Нечаева. Причем второй поначалу хотел присоединиться к родственнику, но на полпути был перехвачен и тут же озадачен вопросом: может ли он поставить, так сказать собрату-акционеру, со своих карьеров кое-какие каменные изделия?

– Не вижу в том никакого затруднения, Александр Яковлевич. Что именно вы желали бы получить?

– Вот список, в нем указаны размеры и количество, материал – гранит и габбро⁵. Еще, Роман Исаевич, меня очень интересуют сроки исполнения. Роман Исаевич?

Нечаев, начавший свою карьеру делового человека как раз с небольшой мастерской по изготовлению памятников и надгробий, моргнул, отводя взгляд от листка бумаги, и с некоторым удивлением поинтересовался: а зачем князю такое количество столь массивных камней? Да еще и из столь неудобного в обработке материала?

– К моему сожалению, другие основания под высокоточные станки гораздо хуже. Кстати, у меня к вам есть еще одно небольшое дело...

Когда Нечаев-Мальцев решил полюбопытствовать, о чем беседует молодежь, он с удивлением услышал, как они обсуждают плитку. Причем не какую-нибудь, а дорожную, и не из гранита, а совсем даже бетона, пяти разных цветов и целой дюжины форм. И надо сказать, что Юрий Степанович сам очень заинтересовался столь перспективной новинкой. Разумеется что никакой конкуренции граниту мостовых она составить не сможет, но вот в качестве дорожек на курортах, по коим так любит прогуливаться приличная публика... Уже втроем они обсудили все возможные перспективы, причем в столь теплой и дружелюбной манере, что едва не договорились до создания небольшой совместной компании, лишь в последний момент вспомнив, что выбрали для этого не самые подходящие время и место. В отличие от столичного особняка старшего Нечаева, где хорошо разговаривалось на самые разные темы, в том числе и коммерческого толка, с чем они все и согласились, не забыв обговорить подходящие для такого разговора день и час.

– Ну что же, так и решим – после рождественских праздников жду вас у себя.

Подтвердив свое согласие почти незаметным движением головы, первый из молодых людей тут же отошел в сторону и осторожно присел в кресло, стараясь поудобнее расположить правую ногу.

«Старая травма или свежая рана? В этот раз трость явно используется по своему прямому назначению. Все же маловато я знаю о своих компаньонах. Как и они обо мне, надеюсь».

Второй из представителей молодежи и не подумал прекращать столь полезное общение. И, как оказалось, был полностью прав – довольно скоро выяснилось, что собеседники имеют на удивление много общих интересов. Например, старый промышленник очень любопытствовал по поводу устроенного при Сестрорецкой фабрике реального училища, и в особенности насчет того факта, что дети мастеровых учатся без какой-либо платы. Надо сказать, интерес его был не совсем праздный: Юрий Степанович довольно много благотворительствовал именно на

⁵ Камень, по прочности превосходящий гранит. Используется в том числе и как основание под станки прецизионной точности.

тему образования беднейших слоев населения империи и был рад любому даже не союзнику, а просто человеку, разделяющему его устремления. А князь Агренов разделял, да еще как! Но так как оружейный магнат был человеком крайне разносторонним, то они поговорили и о стекольных заводах Нечаева-Мальцева. Точнее, о возможности развернуть на их базе производство нормальных лампочек с вольфрамовой нитью. А не того недолговечного и увесистого убожества, коим приходилось пользоваться повсеместно, – с цоколем и толстостенной колбой самой причудливой формы и угольной нитью, рассчитанной аж на сорок часов работы. Всего. Правда, один плюс у нее все же был – путем достаточно несложных манипуляций плохая лампочка легко превращалась в хороший стакан. Пусть и не совсем устойчивый, зато очень вместительный, грамм этак в триста. А как удобно он лежал в руке!

– Ну что же, я вижу, нам действительно есть о чем поговорить при следующей встрече.

Молчаливо согласившись с этим утверждением, молодой аристократ глянул на небольшую тумбу напольных часов, удивился и посмотрел на акционеров – оказывается, перерыв уже закончился. Проводил взглядом господина Юрьева, как раз направлявшегося к своему месту, поправил запонку на рукаве. И как-то совсем не к месту вспомнил про то, каким больным выглядел последний из рода Юсуповых.

«Прекрасный повод закруглить беседу, заодно и про самочувствие компаньона узнаю. Вернее, почему оно такое плохое».

К удивлению Александра, вопрос оказался не таким простым, как он думал, – Нечаев-Мальцев немного помолчал, еще раз окинул взглядом всех присутствующих и с некоторой неохотой ответил:

– Ходят слухи, что, когда Николай Борисович отдыхал в Бадене, у него случился приступ сердечной болезни. К счастью, непоправимого не случилось...

Собеседники одновременно вспомнили «цветущий» вид последнего Юсупова и понимающе переглянулись, добавив про себя короткое слово «пока». Увидев, как председатель пробирается на свое место, Юрий Степанович тихо закончил разговор на условно оптимистичной ноте:

– Будем надеяться на лучшее, князь.

Вторая часть заседания оказалась гораздо скучнее и короче первой – еще раз пройдясь по всем решениям и договоренностям, титулованные (и не очень) акционеры завизировали протокол собрания, придав ему тем самым статус официального документа. Сердечно попрощались друг с другом, и в особенности с Людиновым, в которое компаньоны по товариществу приехали в первый и последний раз – следующие заседания совета акционеров планировалось проводить, не выезжая из пределов гранитных набережных города Петра.

Обратная дорога в Сестрорецк оказалась не такой тоскливой, как того можно было бы ожидать. Первую, и самую длинную, часть пути Александр скоротал в разговорах с Нечаевым-Мальцевым и Губониным – эти во всех смыслах достойные господа так же, как и он, стремились поскорее вернуться в столицу. Первого заинтересовал «внезапно» изобретенный аристократом-промышленником метод непрерывного производства стекла, а второй на удивление тактично намекал князю на тот факт, что в Волжско-Камском банке его деньги будут в гораздо большей сохранности. И условия кредитования предложат лучше, и процент по вкладам будет «жирнее», да и вообще примут как родного – в отличие от Русско-Азиатского, в коем молодого промышленника ценят явно недостаточно. С последним утверждением уговариваемый склонен был согласиться – на память он пока не жаловался и прекрасно помнил, как ему «рожали» самый первый кредит. Да и со вторым что-то не торопились... Собственно, от смены основного кредитного дома фабриканта удерживало только одно. В данный момент все рентные платежи из зарубежных источников перечислялись на его именной счет как раз в Русско-Азиатском банке. В случае любых изменений требовалось внести поправки в такое количество документов, что перед мысленным взором представала стопка бумаги высотой как минимум до обла-

ков. А учитывая тот факт, что у конторы «Лунев, Лунев и сыновья» и так работы хватает, причем срочной и важной... В общем, пока система работает и денежки капают, острой необходимости что-то менять нет. Бывший купец, а ныне потомственный дворянин в чине тайного советника такую точку зрения встретил с пониманием, но также и с демонстративным сожалением. Которое, впрочем, не помешало ему напоследок заметить, что предложение остается в силе. А тот, кого он столь терпеливо соблазнял на измену своему официальному банку, еще часа два обдумывал источники столь выдающейся осведомленности Петра Ионовича о состоянии его финансовых дел. Легальных дел, разумеется. Вывод из всех размышлений был один, вполне закономерный – о нем уже давно собирают информацию. Не сказать, что новость такая уж неожиданная, но и приятной ее тоже назвать не получилось. Времена, когда его сиятельство князь Агренов был всего лишь одним из многих (и соответственно никого не интересовал), увы и ах, безвозвратно уходили. Вернее, уже прошли.

А вторую часть пути одного из владельцев Товарищества Мальцевских заводов развлекали другие попутчики. Наблюдение за наблюдающим – оказалось, это чертовски интересное занятие! Благо, неожиданно-негаданно образовавшиеся филеры опекали его достаточно незаметно и даже деликатно, очень разумно не провоцируя своего подопечного на крайние меры – то ли их так проинструктировали, то ли они сами догадались, чем чревато неудовольствие со стороны молодого аристократа. Который, между прочим, спокойствием их не баловал, внезапно вспыхнув настоящей страстью к небольшим прогулкам по перрону. А один раз вообще ушел в ресторанчик на станционной площади, воспользовавшись тем обстоятельством, что паровоз начал пополнять запасы воды и угля. Заказал там плотный обед, а в качестве приправы к нему любовался на то, как филеры с немалым удовольствием пьют чай «без ничего» и время от времени поглядывают на часы. При этом интересуясь не столько поднадзорным, сколько миловидными (и не очень) барышнями, то и дело дефилирующими по улице мимо ресторанных витрин. Вообще, была у Александра мысль – сдать столь любопытных личностей ближайшему городскому, но по зрелом размышлении он от нее отказался, вернее, отложил ее исполнение на неопределенный срок. Тем более что неожиданные попутчики растворились в узеньких улочках Сестрорецка почти сразу, как только показались фабричные корпуса, но кое-какой осадочек после себя все же оставили. Так сказать, на долгую и неприятную память.

– На этом позвольте закончить, Александр Яковлевич.

Фабрикант отвернулся от большого окна в своем кабинете и поглядел на управляющего, всего несколько минут назад закончившего свой доклад о состоянии дел в компании. Надо сказать, эти самые дела шли очень даже неплохо. А если бы не мелкие шероховатости, вроде сильного превышения спроса над предложением, так и вообще можно было бы подумать над словом «великолепно». Мелочи же были в том, что «мирную» продукцию Сестрорецкой фабрики начали потихоньку-полегоньку подделывать. Спрос на нее был, и немаленький, предложение за ним просто катастрофично не успевало, и вполне закономерно нашлись люди добрые, решившие помочь отечественному потребителю. Пока самая заметная «помощь» шла по линии производства зажигалок «Бенза» – их клепали из всего, что только было под рукой и годилось в дело. Тонкая сталь, бронза, черная жечь, кровельное и котельное железо, латунь и даже медь – все это шло в ход и приводило к невиданному разнообразию конечного продукта. С весьма однообразным качеством выделки, коей хватало максимум на полгода эксплуатации. А иногда свежеприобретенная вещица отказывалась работать сразу, прямо на глазах у покупателя, но все равно охочих до такой полезной штуковины меньше не становилось.

Князь вздохнул, сделал себе мысленную пометку – озадачить Горенина решением давно ожидаемой проблемы, и задал вопрос. К удивлению управляющего, совсем на другую тему, никак не связанную с недавним докладом:

– Андрей Владимирович, сколько всего у вас помощников?

– Пока четверо, Александр Яковлевич...

– Кто-нибудь из них может заменить вас в вашей нынешней должности?

Услышав такое, Сонин непроизвольно выпрямился и **ОЧЕНЬ** внимательно поглядел на начальство. Но тем не менее ответил честно и без малейшей задержки:

– Да, ваше сиятельство. Один – почти сразу, а другому потребуется некоторое время – примерно месяца два-три работы под моим присмотром, затем справится не хуже, чем я сейчас.

– Это хорошо, что не хуже.

Хозяин фабрики опять отвернулся к окну и опять задал не тот вопрос, что от него ожидали. Впрочем, Сонин уже привык.

– Насколько я помню, Андрей Владимирович, ваш сын в новом году заканчивает учебу в гимназии. Вы уже выбрали университет, где он продолжит образование?

Услышав обращение по имени-отчеству, управляющий слегка расслабился. Да и сам вопрос зримо свидетельствовал о благорасположении князя, так что про его «сияние» он больше не вспоминал.

– Не совсем, Александр Яковлевич. Прежде чем окончательно определиться в своем выборе, я бы хотел узнать ваше мнение по этому вопросу.

– Вы вправе выбрать любой университет в империи или же за ее пределами, как я и говорил вам когда-то. Хотя должен заметить, что отечественный храм науки все же предпочтительней иностранного. На тот вполне вероятный случай, если Эдуард захочет пойти по вашим стопам и работать в компании.

Прозвучавший намек заботливый и очень понятливый отец воспринял правильно, тут же уверив работодателя, что в своем поиске ограничится высшими учебными заведениями Москвы и Санкт-Петербурга.

– Вот и прекрасно. Да, пока не забыл – Андрей Владимирович, вы настолько хорошо организовали курсы для наших будущих и нынешних мастеровых, а также реальное училище при фабрике, что ими уже интересуются известные меценаты и благотворители. А господин Нечаев-Мальцев заинтересовался настолько, что вскоре прибудет сам, посмотреть, как у нас устроено обучение детей мастеровых. Если увиденное ему понравится, то вполне возможно, что Юрий Степанович решит поучаствовать в открытии подобных заведений. Причем в доброй дюжине губернских городов.

– Дюжине?

– Скорее всего, даже больше – мы ведь тоже не останемся в стороне от такого хорошего дела. Наша компания просто-таки обязана заниматься благотворительностью на постоянной основе, а тут и затраты сравнительно небольшие, и польза огромная. Да и к тому же у вас явный талант к делам подобного рода, а значит, все будет организовано очень быстро и на высшем уровне. Не так ли?

Сонин едва заметно порозовел от удовольствия и завуалированной похвалы.

– Можете не сомневаться, Александр Яковлевич, все так и будет.

– Прекрасно. Однако вернемся к другим делам. Я принял решение изменить организацию управления компанией. И в качестве подготовки к такому шагу – разделить станкостроительное, механическое и оружейное производства, попутно усилив их специализацию.

Князь отошел от окна (к большому облегчению своего подчиненного) и сел на свое место, с легким вздохом покосившись на посконные мешки, набитые разнообразнейшей корреспонденцией. Два из них за вчерашний день он кое-как одолел, осталось еще четыре плюс письма от Круппа, Тиссена и прочих деловых партнеров, сложенные в отдельную стопку на его столе – прочитал он их одними из первых, а вот написание ответа отложил на потом.

– Как вы знаете, в Москве строятся несколько заводов, вот они и примут кузнечно-пресовые и механические цеха фабрики. В Ковров уедет персонал оружейных цехов, а в Сест-

рорецке останется, и попутно сильно расширится, станкостроительное производство общего типа. Кроме того, у компании есть интересы и в Кыштымском горнозаводском округе.

Александр прервался и посмотрел на своего управляющего. Увиденное понравилось: в глазах внимание, руки совершенно самостоятельно делают заметки – в общем, профессионал за работой.

– Одного вашего заместителя вы подготовите для Кыштыма, второй поедет в Ковров. За московскими заводами первое время вы будете приглядывать сами. Пока не найдете человека, способного делать это за вас и под вашим руководством. Вопросы?

– Ну, вот так сразу, пожалуй, и нет... А кто же останется начальствовать в Сестрорецке?

– Герт, Иммануил Викторович.

Сонин понимающе покивал. Оглядел свои записи, сморгнул и откровенно признался, что задавать толковые вопросы пока не готов.

– Тогда на сегодня все, продолжим через два дня.

Еще раз выказав свое расположение управляющему путем проводов до двери, Александр вернулся за стол, еще раз покосился на мешки и решительным жестом пододвинул к себе финансовый отчет по предприятию. Выбирая из двух нелюбимых, но необходимых занятий, он отдал предпочтение тому, что полегче. Не сказать, что приятнее, но вникать в цифры было все же проще, чем в смысл многочисленных посланий со всего света. О чем ему только не писали! Львиную долю корреспонденции составляли письма непризнанных гениев, которым для успеха не хватало (в зависимости от наглости и фантазии) достаточно скромных сумм. Скромных для князя Агренева, разумеется. На втором месте стояли послания для главного инспектора господина Долгина, приходящие на имя Александра – именно Гриша взвалил на себя тяжелейшую обязанность разбираться с письмами девиц и женщин, предлагающих себя в содержанки (а для большего удобства «работы» тридцатилетний ловелас даже не поленился квартиру в Питере снять). На третьем шли просьбы о финансовой помощи по разделу благотворительности, и иногда на эти послания даже приходил ответ, особенно если письмо было написано на официальном бланке какой-либо больницы или приюта для сирот. Ну и последняя категория посланий, этакий своеобразный золотой песок на фоне пустой породы, это действительно интересные и очень перспективные предложения о деловом сотрудничестве, письма с реально полезными и применимыми изобретениями и тому подобная корреспонденция.

По сравнению со всем этим скучнейший в принципе отчет по финансовому состоянию всех компаний князя воспринимался им как своеобразный отдых – не надо ломать глаза и голову, разбирая причудливый почерк и гадая, что именно выдумал очередной энтузиаст-изобретатель. Или сохранять спокойствие, поняв, что опять потратил время на пустышку в конверте. Читай себе и читай, просматривай ровные столбцы цифр и наслаждайся приятностью суммы чистой годовой и месячной прибыли. Красота! И в подробности вникать совсем не тягостно, а совсем даже наоборот – чрезвычайно увлекательно. Вот, например, что это за строчка такая интересная? А! Понятно. Это сразу в трех министерствах распробовали всю прелесть папок на пружинных переплетах, кнопок-скрепок, дыроколов и прочих канцелярских приспособ, крайне милых нежному чиновничьему сердцу. Так распробовали, что заказов на полгода вперед набросали... и еще набросают, за ними не заржавеет. А это что за цифра такая, откуда она взялась? А из карельских и вятских лесов и взялась, где вот уже какой месяц производят арборит. И не просто производят, а тут же продают – и в данном конкретном случае заказы расписаны уже на год вперед. Лепота, одним словом.

«Наверное, имеет смысл подумать о расширении производства фанеры – раз так хорошо покупают. В империи она пока мало кому нужна, зато в Забугорье, и особенно в Англии и САСШ, отрывают чуть ли не с руками. Да, определенно подумаю. Консервы – дела идут просто замечательно, разве что управляющему пришлось изменить вес банки в угоду военному ведомству, чтобы для солдатских пайков подходила. И дополнить и так немаленький ассор-

тимент гороховой похлебкой и кашей с мясом – ну, это для повышенной крепости духа, не иначе. Заказ... ого, большой заказ, но завод справляется. Пока справляется, но уже понятно, что дело надо расширять. Что еще? Управляющий предлагает наладить выпуск чего-нибудь вкусного и полезного для гурманов в офицерских мундирах. Сосиски, паштеты, супы, всякая плодоовощная экзотика... Черт с ним, пусть пробует. Ну что же, дружба с Ванновским уже положительно сказывается на моих предприятиях».

Словно бы в доказательство этого утверждения на следующей странице отчета фабрикант узнал о том, что военный министр империи организовал небольшой заказ Русской оружейной компании – на три комплекта военно-полевых госпиталей и столько же лазаретов. Так сказать, на пробу. И можно было не сомневаться – если армейским медикам и почетному члену (как звучит, а?!) Военно-медицинской академии генерал-адъютанту Петру Семеновичу Ванновскому понравится то, что они получают, новые заказы не заставят себя ждать.

«Н-да, скоро придет пора большого турне по военным училищам империи. Или ограничиться теми из них, что поближе? Или вообще посетить только родную альма-матер да Михайловскую артиллерийскую академию, а остальные и без моего личного присутствия обойдутся. А может, и не обойдутся. Все же реклама себя любимого – дело такое, что абы кому не поручишь. Ладно, время подумать и решить есть. Что там у меня дальше?»

А дальше был первый (он же единственный) металлургический завод, на котором его владелец так ни разу и не был. Да и не собирался, если честно. Но это никоим образом не мешало заводу приносить хорошую, а главное – регулярную прибыль и обеспечивать своей продукцией все нужды разрастающейся империи князя. Напоследок, видимо в качестве десерта, шла фабрика, хотя по получаемому с нее доходу она уже давно и прочно занимала первое место.

«Так, бухгалтерия настойчиво подтверждает все то, что мне недавно доказывал Сонин, – так что придется поверить. Черт, Герт и сюда умудрился пропихнуть обоснование о необходимости расширения своего хозяйства! Неугомонный какой, полгода потерпеть не может. Ладно, с доходной частью все понятно, перейдем к расходной. Будущий центр специального и высокоточного станкостроения, а также качественного оружия, славный город Ковров... Да уж! Всегда подозревал, что такие проекты – крайне дорогое удовольствие, а теперь Лазорев доказал мне это опытным путем – сколько ему ни дай, все мало. Но что делать, придется потрясти мощной, раз обещают закончить к лету. Кыштым... Зараза, сам по себе обошедшийся в шесть миллионов и практически обнуливший все мои счета в Русско-Азиатском банке. Ну, тут все на стадии готовности фундаментов».

Вспомнив, во сколько ему обойдется все это счастье, Александр вздохнул.

«Русская аграрная компания. Ну, тут прибыли долго не будет... Если она, эта самая прибыль, вообще будет при моей жизни».

Просмотрев данные по разной мелочи, вроде оружейного магазинчика в Санкт-Петербурге, молодой промышленник закинул труды своих бухгалтеров в сейф, а вместо них достал стопку чековых книжек. Налил себе бокал рейнского «Ауслезе», устроился поудобнее на стуле и принялся раскладывать весьма своеобразный пасьянс.

«Русско-Азиатская банка, многолитровая и сейфовая – одна книжка от моего именного счета, другая – от того, на который капает рента. Итого две чековые книжки. Сувениры из замечательнейшей страны Швейцарии: по две книжки мне подарили у Хоттингера и в «Шэфхаузен Кантональбанке». О! С первого раза выговорил, хотя бы и про себя. Какой я молодец, однако. Итого у меня уже шесть стильных и очень красивых чековых книжечек. Теперь пройдемся по германским землям: «Дрезднер банк» дал мне всего одну штучку, зато в «Дойче банке» – сразу три. Правда, все они на разные фамилии, но ничего, пригодятся. Ну и последнее мое приобретение, от Волжско-Камского банка. Общий итог в одиннадцать штук. А неплохая коллекция собралась!»

Пополнив сладкой золотисто-топазовой жидкостью свой бокал, хозяин кабинета тут же его опять ополовинил, после чего разлиновал подходящий листочек на расходную и доходную части и принялся считать.

«Доходы среднемесячные: от ренты и лицензий – на семьсот тысяч, от предприятий – примерно столько же. И на счету компании накопилось миллиона этак три с половиной. Было больше, но пришлось потратиться на акции Товарищества Мальцевских заводов и вступительный взнос в З.И.Г. Ну и французские бумаги. Теперь смотрим расходы. Тиссену за его постоянную заботу и дружескую поддержку – аж пятнадцать миллионов рублей. И ведь все Августу мало, постоянно интересуется насчет новых заказов – как будто я деньги печатаю. Прорва ненасытная, блин. Далее, старине Фридриху Круппу, которому скоро исполнится аж тридцать восемь лет, – три с копейками, то есть три триста. Минимум столько же уйдет за океан брату моего стряпчего, и примерно шесть миллионов отпечатанных бумажек – «Строительной конторе Бари», за качественное и очень быстрое исполнение всех моих пожеланий. Так, бумаги из «Лионского Кредита» освоили. Что дальше? А дальше десять миллионов Геннадию Луневу в течение самое большее двух лет, а вернее, даже полутора. Значит – вынь да положи ему тысяч по семьсот в месяц. Ну, это нормально, тем более что на стартовый рывок уже есть. Полтора миллиона на покупку недвижимости в Москве – и личный счет в Русско-Азиатском опять станет пустым... Сто пятьдесят – двести тысяч ежемесячно на Лазорева, и небольшая поддержка научной мысли в России, особенно мыслей Менделеева и его учеников. Плюс небольшие инвестиции в свое дальневосточное поместье, и постоянные отчисления по лицензиям – не только мне платят, за кое-что и самому приходится раскошелиться. Хм, получается, тысяч на двести пятьдесят – триста в месяц свободных денег я могу рассчитывать. Живем! Но не забываем о скромности, которая, как известно, очень украшает человека. А попутно – избавляет от множества проблем с завистниками. Так что показываем всем максимум сто пятьдесят тысяч официального ежемесячного дохода, а остальное скидываем в далекую Швейцарию. Ну что, вроде все?»

Александр собрал со стола чековые книжки, подхватил листочек со своими расчетами и, мурлыкая себе под нос невнятную мелодию, закинул все эти важные документы в маленький сейф. Захлопнул дверцу, неплохо притворяющуюся куском пола, проверил дверку большого и повернулся к окну. Хмыкнул, глянул на подарок Григория и досадливо вздохнул. Два часа ночи!

– М-да, как упоительны в России вечера...

Глава 4

Как ни старался Гурьян одеваться потеплее, да все же не уберется и простыл – днем жарко было, вот и решил немного распахнуться и сбить шапку на затылок. И вроде бы мелочь пустяшная, а поди же ты, ему хватило – четвертый день еле-еле ноги таскает, от постели до нужника, да от нужника до теплой печки. Надо сказать, что еще с полгода назад он бы все равно ходил работать, несмотря на температуру и прочие радости-гадости, сопутствующие сильной простуде. Потому как хочешь не хочешь, а копейку в дом нести надо. Есть ведь требуется каждый день, и желательно больше одного раза. Вспомнив мать-покойницу, угасшую непонятно с чего три года назад, рано повзрослевший мужчина четырнадцати лет тихо вздохнул – какой он тогда счастливый да беззаботный был! От глубокого вздоха родился легкий кашель, и встрепенувшаяся сестренка тут же к нему подскочила. Легонько тронула старшего брата и заглянула в лицо с молчаливым вопросом – не надо ли чего?

– Пить дай.

Ополовинив небольшой ковшик, Гурьян невольно передернул плечами от пробившего его озноба. Поплотнее укутался в свое любимое старое одеяло, шитое еще матушкиными руками, перевернулся на другой бок и прикрыл глаза. Да, еще полгода назад!.. А вот с недавних пор он мог себе позволить побездельничать в постели недельку-другую, так как умудрился буквально на пустом месте найти дополнительный приработок. Всего-то и делов, что по сторонам поглядывать да что надо в память откладывать. Ну и братьев немного погонять для пользы дела, а денежка за это куда как увесистая капнула. Даже отец столько не зарабатывает, а вот он запросто! Малышню одели-обули во все новое (и себя тоже не забыл), кой-какой припас на зиму устроили, да и отложить немного удалось. И после всего этого – ну разве ж он не молодец? Тятя так и сказал при всех – мол, горжусь таким сыном, настоящим мужиком вырос!

За окошком внезапно раздался раскатистый рев, заставивший больного чуть ли не подпрыгнуть. А затем – страдальчески сморщиться и подтянуть одеяло повыше. Так, чтобы оно прикрывало уши и хотя бы немного заглушало громкие песни в очередной раз «принявшего пять капель» певца.

Вот всем хороша была их улица, и соседи подобрались очень даже ничего. Все, кроме одного – Фимка-амбал, зарабатывающий на жизнь катанием квадратного и перетаскиванием круглого (в составе крупной артели грузчиков, трудящихся исключительно на оружейной фабрике), страсть как любил по пьяному делу исполнить пару песен. Вернее сказать, пару десятков, причем во всю ширь и мощь своей далеко не маленькой глотки. Длился этот концерт, как правило, не больше часа-двух и в принципе был вполне терпимым – теми, кто жил двора этак за два-три от непризнанного певческого таланта. Да что там, настоящего талантища! Все же хайлат так громко и долго не каждому дано, а Фимка ни единого разу даже и не охрип, как бы об этом ни мечтали все его «благодарные» слушатели. Да. Так вот – те, кто имел несчастье наслаждаться оглушающими руладами в пределах саженой этак пяти-шести, на правах ближайших соседей «наслаждались» народным творчеством на всю катушку – вплоть до дребезжания стекол и подвывания расчувствовавшихся собак. Урезонить певца-любителя даже и не пытались, ибо при его внешних данных, более подходящих для совершения богатырских подвигов, любое махание руками было абсолютно бесперспективно.

– Быва-али дни веселыя, гуля-ал я молодец! Не зна-ал тоски-кручинушки, как вольный у-удале-эц!..

Даже засунув голову под подушку, Гурьян был вынужден наслаждаться ревом изрядно подвыпившего детины – для глубокого и сильного баса фабричного грузчика какая-то там кучка перьев, даже и обтянутая толстой ситцевой наволочкой, помехой не была. Если уж ему и стены не мешали... Тем удивительнее была резко наступившая тишина и покой – это оказалось

настолько непривычно и так здорово, что даже кашель куда-то пропал. Следующей неожиданностью стал брат, вихрем ворвавшийся в дом и прямо с порога выпаливший:

– Гурия, там тебя ищут!

– Кто?

– Ну такой... Строгий такой, важный – как у Фимки спросил, где мы живем, так тот аж подавился. Потом тихо так ответил и сразу в дом – шмыг! Сам. Представляешь?!

Старшенький честно попытался это сделать, но так и не смог – попросту отказало воображение. Уж как только ни пытались усовестить, уговорить или даже заставить народного певца молчать, ничего не помогало – ни вызывания к совести, ни просьбы, ни даже откровенный мат. Да что там ругань, даже тяжеленная оглобля по хребтине была бесполезна. Вообще все было бесполезно – любые крики и увещевания Ефим попросту пропускал мимо ушей, а деревянную анестезию надо было еще суметь применить. В смысле, остаться целым и невредимым после применения. Ухитрившись при этом не только подобраться поближе и от всей души приласкать непризнанное певческое дарование, но и вовремя удалиться, заботясь о собственном хорошем самочувствии.

Входная дверь снова знакомо скрипнула и впустила в горницу поток студеного воздуха вместе с запахом зимней свежести. А с ней на пороге объявился неожиданный, но очень дорогой гость, поработавший заодно и быстродействующим лекарством – еще недавно покашливающий и мерзнувший, парень на диво быстро позабыл о своем плохом самочувствии. Полетело на подушку одеяло, руки словно сами собой чуток подтянули штаны, а пол обласкал ступни приятным холодком.

– Я... Я сейчас, вашсясь!

Быстро прошлепав в дальний угол, Гурьян повозился там немного и так же торопливо вернулся обратно, неся на вытянутых руках маленький сверток. Повозился, пальцами и зубами развязывая тугие узелки, и, не раскрывая до конца, осторожно протянул вперед.

– Вот.

Небрежно приняв и взвесив на руке изрядно помятую и замусоленную стопку фотокарточек, работодатель довольно кивнул. Затем осмотрелся, неспешно расстегнул пальто, снял шапку и искоса глянул на притихших детей.

– Смотрю, тебе нездоровится?

– Да это я так, вашсясь, ленюся помалёху.

– Понятно.

Гость жестом фокусника перекатил между пальцами серебряный рубль, убедился, что его все заметили, и легким движением кисти отправил металлический кругляш на колени к маленькой хозяйке.

– Неподалеку отсюда я заметил хлебную лавку. Наверняка там найдется что-то вкусное?..

Гурьян намек понял с первого раза:

– Ванька, Любка, ну-ка живой ногой, за сдобой к чаю!

Сестра быстро поставила чугунок с водой в печку и чуть замешкалась. С опаской поглядывая на молодого мужчину, бочком-бочком подобралась поближе к старшему брату, скорчила умильную рожицу и просительно заглянула в глаза. Шепнула что-то на ухо, еще раз, получила разрешающий кивок и уточнение:

– На всех.

Дождавшись, пока они останутся одни, фабрикант устроился поудобнее за низеньким массивным столом, выложил перед собой блокнот с ручкой и приготовился записывать.

– Знач, так! Вот этот вот, заходит на почту раз в четыре недели, выходит всегда с большим таким пакетом в руках. Потом пакет выбрасывает – я как-то подобрал, обычная бумага, без штемпелёв всяких. Этот вообще никуда не ходит, на работу да с работы. И этот тоже. А вот

мордатый – раза три приходил к тому самому господину, за которым указано присматривать особо...

Когда вернулась нагруженная хлебобулочной продукцией малышня, старший брат как раз заканчивал жаловаться на последнюю фотокарточку, вернее, на того, кто на ней изображен:

– Каждый раз, как в тот дом идет, постоянно оглядывается. И выходит – тоже по улице глазами шарит, вот. А минут через пять после него дама выходит, красивая такая – и в другую сторону, причем еще улыбается так, по-доброму. Пока все.

Гость дописал последнюю строчку и застыл в легкой задумчивости, не обращая внимания на детей, осторожно выкладывающих на стол свою добычу. Большая связка баранок, троица витых калачей, опять связка, только уже золотисто-коричневых сушек. И диво дивное, до сего дня не гостившее на столе ни единого разу, – золотистый «кирпич» ситного хлеба⁶. Вкусного и при этом неимоверно дорогущего, особенно для простых работяг. Одно слово, господская еда... Отдельной горочкой лежали сладости, дюжина румяных булочек с изюмом – брат разрешил, если сдача останется.

– Ну что же, неплохо.

Гурьян тем временем сделал страшные глаза и цыкнул на сестру, вознамерившуюся на полном серьезе напоить известного на весь Сестрорецк фабриканта свежесваренным иван-чаем⁷. Ну не дура ли? Впрочем, что с нее взять – малявка еще, соображения никакого. Все так же молчаливо выпроводив младших обратно на свежий воздух, парень кинул быстрый взгляд на своего работодателя и с облегчением вздохнул – тот медленно листал свой блокнот и, казалось, вообще не замечал никакой суеты вокруг себя.

– Добавить больше нечего?

Непроизвольно вздрогнув – до того неожиданно прозвучал вопрос, Гурьян энергично помотал головой из стороны в сторону, показывая, что выложил все без утайки и до самого что ни на есть донышка.

– Отец у тебя на Сестрорецком казенном работает? О твоём приработке знает?

Не удивившись такой осведомленности (а также тому, что фабрикант не спрашивает, где мать), подросток тихо ответил:

– Да, на нем. Нет, не знает – я ж никому, как вы и сказали!.. Правда, батя меня порасспрашивал малость, так я ему все, как и положено, – мол, так и так, хорошее место нашел, часто важные господа с фабрики ходят. И денег всех не показывал.

Непонятно чему улыбнувшись, мужчина продолжил:

– Молодец. Теперь: зачем и почему именно я приходил к тебе.

Одновременно со словами работодатель достал небольшую картонку и стал что-то писать на ее обороте.

– Осенью ты занимался своей работой и во время нее нечаянно подслушал мой разговор с господином Долгиным. Я говорил о том, что в фабричную школу можно принимать детей и со стороны. А недавно ты набрался смелости, дождался, пока я к тебе подойду почистить обувь, и похлопотал за своих младшеньких – в ответ я обещал подумать. Запомнил? Мне стало интересно, и я сам тебя нашел, чтобы дать ответ. Все. Запомни, как «Отче наш», и остальным то же самое говори – понятно?

– Как не понять, вашсиятельство! Только все одно, как-то оно не очень. Ну, история эта. Кто я и кто вы, чтобы вам самому до меня ходить...

Гурьян стремительно постигал азы конспирации. И даже, удивляясь самому себе, рисковал высказать свое сомнение вслух, но уж больно легко было говорить правду своему работо-

⁶ Хлеб, испеченный из просеянной сквозь мелкое сито пшеничной муки, очень нежный и вкусный.

⁷ Растение, использовавшееся как заменитель чайного листа, – крестьяне и рабочие Российской империи иван-чай сами собирали, заваривали и пили с большим удовольствием.

дателю. Да и вообще, разговор с ним был очень необычен – несусветный богач, да к тому же и самый настоящий аристократ, а совершенно не кичился своим высоким положением.

– Я перед тобой два дома посетил, а после тебя еще в три зайду – лично приглашаю отдать детей в свою школу. Так что можешь собой гордиться, из-за тебя целый князь полдня ноги утруждает.

Легкая усмешка и подмигивание помогли юному труженику обувной щетки задать очень важный для себя вопрос:

– А насчет учебы – это оно и вправду можно?

– Вот моя визитка.

Перед князем на стол легла та самая картонка, на обороте которой он только что черкался. А чтобы она не испачкалась, он под нее подложил небольшую стопочку канареечно-желтых рублевых банкнот, слегка разбавленную зелеными трешками.

– С ней твой отец пойдет к управляющему школой, а уж тот все и устроит. Кстати, сколько из вашей семьи учеников выйдет?

Гурьян с некоторым усилием отвел глаза от денег, поморгал, переваривая вопрос, и быстрой скороговоркой перечислил имена трех братьев и сестры.

– Значит, всего пятеро. И еще. Если у тебя есть знакомые твоего возраста, желающие поучиться в фабричной школе вместе с тобой, смело приглашай.

Аристократ замолчал, с минуту побарабанил пальцами по столу и сменил тему:

– Тебе нравится твоя работа?

– Да, вашсиятсво!

– Гм, я имел в виду твою колодку для чистки обуви.

Четырнадцатилетний мужчина слегка удивился и честно ответил:

– Поперва было не очень, потом привык.

– Как смотришь на то, чтобы работать только у меня? Понятно, можешь не отвечать.

Отвечая на немой вопрос, фабрикант улыбнулся краешком губ.

– У тебя на лице все написано. Вот тебе еще одна визитка.

Поверх первой картонки на стол легла вторая, с непонятным значком на обороте.

– Где фабричное начальство живет, знаешь?

– Ну дак!

Красивые двухэтажные коттеджи из ярко-красного и светло-желтого кирпича уже давно образовали этакий «поселок в поселке». Вот только была одна тонкость – видеть-то их видели все, да в основном издали. Так как подойти поближе и полюбоваться не давали бдительные и неимоверно злющие сторожа.

– Приходи дня через... Хотя нет, не годится. Тогда так – дом купца Епифанова, квартира семь, вечер этой субботы. И еще раз: обо всем касательно наших с тобой дел – молчок. Для отца и всех остальных – ты учишься при фабрике, я изредка к тебе благоволю и попечительствую. Понял? Ладно, на этом пока все.

Дорогой (в самом лучшем смысле этого слова) гость встал, немного потянулся и принялся неспешно одеваться. Пожелав напоследок больше здоровья и поменьше болезней, он совсем уже шагнул за порог, как Гурьян вспомнил кое-что важное:

– Вашсиятсво! А к тому самому господину еще иногда и барышня одна захаживат. Из простых, но одета хорошо. За ней тоже пригляд нужен или как?

Пальто вернулось обратно на лавку, а его хозяин медленно присел рядом с ним.

– А Расскажи-ка ты мне, какая она из себя?..

Фабрикант как раз закончил раскладывать своеобразный пасьянс из растрепанных фотокарточек, как порог его кабинета перешагнул прямо-таки пышущий отборнейшим негативом главный инспектор условий труда.

– И что, ему все сойдет с рук?! Этому!.. Ворюге и мошеннику?!!

– Во-первых, здравствуй. Во-вторых, ты сейчас о ком?

Долгин так и застыл с открытым ртом. Медленно выдохнул, подошел поближе и, уже спокойным голосом поприветствовав начальника, повторил:

– О купце Солодовникове.

– Аристарх Петрович, что ли, рассказал?

Не так давно к нескольким учителям Григория добавился еще один – начальник отдела аудита, господин Горенин. Натаскивал он бывшего унтера исключительно по своему профилю, вернее, даже не натаскивал, а так, проводил обычайший ликбез. А вот своего непосредственного работодателя знакомил с миром экономических преступлений по полной программе – и надо сказать, сильно удивлялся скорости освоения материала.

– Да, на сегодняшней лекции. Как пример несложного мошенничества через подставных лиц. Так что: когда за него примемся?

– Никогда, Гриша. И не нужно это, да и нельзя.

– Почему?

– Ты думаешь, я не хочу? Еще как хочу. А все равно нельзя.

– Решать, конечно, тебе, командир. Только я, ну вот хоть убей, понять не могу, почему ему дозволено украсть деньги компании и остаться без пули в подарок.

– Гриша, окстись – какая пуля? Это в тебе унтер-офицер Олькушского погранотряда проснулся, не иначе. Мы же теперь не военные, а совсем даже гражданские, а это значит, что к людям надо относиться помягше. Солодовников, конечно, скотина изрядная, да и мошенник первостатейный, но стрелять в него мы не будем. Хотя бы потому, что он в своих вечных заботах о чужих деньгах не зарывается и последнюю рубашку с деловых партнеров не снимает.

– Ну да, как же, не снимает! Я справки-то навел – скряга еще тот, за копейку удавится. А еще вернее – удавит. Через это и нет у него ни друзей, ни даже приятелей – никто с ним не хочет дело иметь, всех обманывает.

– И тем не менее пяток мелких купцов именно он спас от полного разорения и долговой ямы, внес необходимые залоги, подкинул денег и все такое прочее. Опять же, благотворительствует изрядно, доходные дома для рабочего люда ставит. Недавно театр решил открыть, о возведении больницы для московской бедноты подумывает. Как в такого стрелять?

– Ну прям святой человек! И что, причина только в этом?

– Вот ты упорный! Не понравился он тебе, так и скажи.

– Да, не понравился! Нечего с ним миндальничать, на те деньги, что он уворовал, целый уезд прокормить можно. А ежели нет никакой возможности деньги вернуть по закону, так и ладно! Здоровьем своим возместит – все другим наука будет.

Александр тяжело вздохнул и отвел взгляд. Как же иногда тяжело убеждать, а не приказывать! Но если хочешь иметь вокруг себя друзей и соратников, требуется именно первое – правда, не исключая и второго.

– Гриша, поверь. Нам, то есть конкретно мне и тебе, нельзя слишком часто поддаваться соблазну простых решений.

– Это как?

Сдержав очередной вздох, князь понял, что надо бы объясниться как-то поубедительней, да и попроще.

– Намять бока Солодовникову еще легче, чем ты думаешь, – он ведь и не думает прятаться, да и ходит один. А потом-то что? Потребовать с него свое – так он ославит вымогателей на всю Москву и все равно с несправедливо нажитым не расстанется. Поработать анонимно – можно, но все с тем же результатом, то есть совсем без результата. Далее: другие купцы его не любят, но он для них свой. Обидим его – обидим всех крупных купцов Московской губернии. Оно нам надо, такое счастье?

Князь внимательно поглядел на друга, очень внимательно. И смотрел до тех пор, пока его собеседник не покачал головой, подтверждая – нет, не надо.

– Простые решения слишком очевидны и бывают очень вредны в долгосрочной перспективе. К тому же они слишком расслабляют, отучают использовать мозги. Слышал, наверное, сила есть, ума не надо? Ей-богу, золотые слова. А теперь скажи мне, Гриша, кто мы есть с тобой? По сути своей, не по чинам и званиям?

Долгин заметно опешил от такого вопроса.

– Да не ломай ты голову: сам спросил, сам и ответь. Хищники мы. И логика у нас соответствующая, и мораль, и ценности – все подчинено скорейшему достижению цели. Когда мы с тобой за «несунами» бегали да охотились, это было во благо. А теперь дело у нас другое, и лишняя спешка только вредит. Сам же мне говорил насчет того, сколько теперь народу от меня – и тебя тоже, Гриша, – зависит. Говорил? И цена ошибки тоже выросла. Так что отныне – сперва думаем, потом еще раз думаем и только потом делаем. И еще. Ты ограничен рамками, границы которых определяю я, а у меня вышестоящего не имеется. Поэтому ограничиваю себя тоже я. И если вдруг начну нарушать собственные же правила, добром это не кончится. При чем для всех. Понимаешь?

Григорий слегка неуверенно кивнул.

– Поэтому, если человек – мерзавец и сволочь высшей пробы, но за определенные рамки не переступает, да к тому же приносит заметную пользу нашей родине, – этот человек для меня неприкасаем, как бы я ни хотел обратного. Я не говорю, что все ему прощу, но убивать-калечить я его без веской причины НЕ МОГУ.

– Хорошо, пускай так; ты – командир, тебе виднее. Но ведь и совсем безнаказанным оставлять такие дела тоже нехорошо? Раз простили, два простили – глядь, а все капиталы-то уже в чужих карманах!..

– Ну почему же так сразу и безнаказанным? Гаврила Гаврилович еще месяц назад возместил мне весь ущерб, причем с изрядными процентами. Заметь – никаких угроз или даже просто неприятных для него встреч не было.

– Да ладно? Сам, добровольно?

– Конечно. Правда, возместил он не деньгами, а ценными бумагами, но так даже лучше вышло. Вон, папочка лежит – полюбопытствуй, если желание есть.

Господин главный инспектор такое желание проявил немедленно. Дошел до полки, раскрыл папку – и ненадолго задумался, определяя, что же именно он видит.

– Акции?.. Точно, они самые. Общества Коломенского машиностроительного завода. Глазам своим не верю! Командир, да как же ты его уговорил расстаться с такими бумагами?

Поняв, что подумать над пасьянсом ему все равно не дадут, Александр сдался. Неспешно прошелся по кабинету, щелкнул пальцами по хрустальным бокалам на полке, вызвав их тонкий и мелодичный перезвон, и осел в любимое кресло рядом с окном.

– Хорошо, слушай. Дело было примерно так...

Мануфактур-советник и первой гильдии купец Гаврила Гаврилович Солодовников как раз закончил свой послеобеденный отдых в любимом (в основном из-за близости к конторе и дешевизны) трактире и совсем было решил пойти и немного позаниматься делами. Но воплотить свой замысел не успел – дела сами нашли его.

– А, это вы, молодой человек!

Мужчина, заступивший дорогу известному московскому купцу-миллионщику, в ответ лишь вежливо и с почтением склонил голову.

– Ну что же, пойдемте-с ко мне, обсудим ваше предложение.

Неспешно шествуя впереди, Гаврила Гаврилович еще раз прогонял в голове все то, что ему удалось разузнать об очередном просителе. Вообще, можно бы было сказать и иначе – клиенте, но почтенному московскому деловару больше нравилось первое слово. Итак, с неделю

назад к нему обратился молодой стряпчий с довольно странной для непосвященного человека просьбой: сдать ему в «аренду», недельки этак на полторы-две, акции Коломенского машиностроительного завода. А вот для человека посвященного просьба об аренде была вполне себе обыкновенной – все заинтересованные люди в Москве уже давно были в курсе, что у Солодовникова вполне можно «занять» на время небольшие пакеты акций. Разумеется, небольшие лишь по меркам солидных деловых людей. И вот эти самые люди иногда очень нуждались в дополнительных голосах на собраниях акционеров, дабы гарантированно протолкнуть выгодные для себя решения. Тут-то и вспоминали о дорогом (век бы его не видеть и не слышать) Гавриле Гаврилыче, шли к нему на поклон и, как правило, обретали искомое. Иногда и под залог, ежели акций надо было очень много. Пользовались его добротой некоторое время, а потом с благодарностью все возвращали, а чтобы благодарность была весомее, приправляли ее пачкой ассигнаций. Тысяч так на десять рубликов, не больше (а зачастую, так даже и меньше). После чего забывали о благодетеле до следующего раза. Конечно, с точки зрения закона (и других акционеров) все это выглядело немного подозрительно, но формально придраться было не к чему – желающим это сделать предьявлялась оформленная и заверенная по всем правилам купчая на акции.

– Соблаговолите-с изложить свое дело еще раз.

– Охотно. Через три дня состоится очень важное для моего дяди собрание акционеров, на котором он хотел бы...

Слушая разливающегося соловьем просителя, хозяин конторки еще раз взвесил все «за» и «против». И решил: риска, пожалуй, никакого и нет. Дело насквозь понятное, личность Лунева-старшего тоже вполне известная – хотя сам он и обретается в Санкт-Петербурге, но домовладения и просто землю скупает именно в первопрестольной. Да как скупает! Прямо хапает и хапает, поди миллиона на два уже набрал, не меньше. Понятно, что не для себя, хотя?.. А может, и для себя тоже старается. Все же акции Коломенского завода записаны именно на него – лично проверял. Да и кое-какая недвижимость, из числа особо доходной. Обмана с его стороны тоже бояться не стоит – не такая Гаврила Гаврилович личность, чтобы его безнаказанно обмануть можно было. Случись чего, так он своим обидчикам такую веселую жизнь устроит! Да, решено.

– Я думаю...

Этими словами Солодовников довольно-таки бесцеремонно перебил своего просителя и с удовольствием отметил, что даже и тени неудовольствия не промелькнуло у того на лице.

– ...что смогу вам помочь. На определенных условиях конечно же. Первое: от вас будет залог в тридцать тысяч. Второе: пользование моими бумагами обойдется вам еще в десять тысяч, на ассигнации. Коли согласны с такими условиями, то сегодня же все и устроим. Ну а ежели нет...

– Ну что вы, меня все устраивает.

Ближе к вечеру молодой стряпчий и пожилой купец-миллионщик расстались, вполне довольные друг другом. Первый получил вожделенные акции в прокат на две недели, а второй – сорок тысяч за их пользование. Именно сорок – возвращать залог Солодовников даже и не собирался. Как говорится, ничего личного – бизнес есть бизнес...

– И что было дальше?

Григорий уже давно позабыл о своем плохом настроении, замороженный рассказом друга.

– Дальше? Через два дня, двадцать третьего декабря, Филипп Арчибальдович сел на трансатлантический лайнер и отправился на воссоединение со своим отцом. Но перед этим успел-таки продать мне принадлежащие ему на законных основаниях акции, и всего за десять тысяч рублей. Такая приятная неожиданность! Бумаги, стоящие сто двадцать тысяч, обошлись мне едва в пятьдесят.

Главный инспектор, потомственный казак и без пяти минут потомственный почетный гражданин совершенно некультурным образом заржал. Делал он это долго и со вкусом, а когда закончил, то еще пару минут приводил себя в порядок – вытер выступившие от буйства эмоций слезы накрахмаленным до несгибаемости платком, затем в него же звучно высморкался и только после этого скомкал и сунул в карман.

– Это... А он к Вениамину Ильичу не заявится, свои акции требовать?

– Да на здоровье. Только ведь не придет он к нему, так как далеко не дурак. К сожалению. А вот гадости всякие делать начнет – потихоньку да без особой огласки.

– Па-анятно. Тогда такой вопрос – кто-то мне говорил, что пора бы уже самостоятельно планировать и проводить акции особого рода.

– Ну, было такое. И что?

– А на ком я буду тренироваться? Опять бумажки черкать, схемы, ответы да вопросы всякие? Так настоящий опыт да сноровку не получить.

Александр помолчал, потом с усмешкой констатировал:

– Не можешь ты забыть о Солодовникове. И какое обоснование-то подвел красивое, под свое горячее желание сделать ему гадость! Прямо душа радуется, глядя на такой прогресс.

– То есть – нет?

– То есть – да, но кого-то другого. Цель тебе все же надо не такую зубастую, рангом пониже, возможностями пожизне.

– Да какие там у этого хапуги возможности? Разве что в суд подаст.

– Не скажи. Гаврила Гаврилович... Господи, ну и имечко для купца! Так вот, он давно и прочно дружит со многими скопческими и хлыстовскими⁸ общинами. И капитал свой заработал не без их участия, вернее, их денег. Попросит своих знакомых скопцов – те и постараются в случае чего, поквитаются с его обидчиками.

Григорий полупрезрительно протянул:

– Сектанты? Да что они могут, эти убогие?

– Ну, тебе или мне они ничего не сделают. И Сонину с Гертом, и прочим, кто на фабрике работает. А вот Лунева обидеть могут очень даже просто – подошлют пару-тройку новообращенных фанатиков, и лишится Вениамин Ильич самого дорогого для мужчины.

– Хе-хе...

– Я не шучу. Бывали, знаешь ли, прецеденты. Так что усиль-ка ты нашего главного юриста полноценным звеном охранителей.

В один миг растерявший все свое веселье, Долгин резко кивнул:

– Сделаем.

– Список подходящих для своей тренировки господ ты найдешь у Горенина, он же тебя и проконсультирует, в случае необходимости. В действиях – полная самостоятельность, но учти: попадешься – я очень сильно огорчусь. Все, иди с глаз моих долой и не возвращайся. По крайней мере пока не пообедаю.

– Всем отойти в сторону и надеть защитные очки!

Главный специалист по двигателям, руководитель конструкторского бюро, один из трех основных заказчиков экспериментального производства фабрики и все такое прочее, Борис Григорьевич Луцкой безропотно удалился на требуемое расстояние. После чего все так же, без малейших возражений, надел уродливого вида очки с сильно затемненными стеклами, покрутил головой, привыкая к их неудобству и тяжести, и застыл в ожидании. Слепляющая вспышка яростного света, еще одна... Вот они слились в непрерывное сияние, в нос ударил

⁸ Последователи мистической христианской секты, возводящей оскпление в степень богоугодного дела. Хлысты до такого не доходили, ограничиваясь регулярным самоистязанием.

непривычный, но вполне терпимый запах горячего металла и озона, а до ушей долетели непрерывный треск и шипение.

– Ну-с, господа, а теперь прошу освидетельствовать конечный результат.

Молоденький мастеровой, еще недавно бывший на положении ученика на Мотовилихинском казенном заводе (именно оттуда пришла очередная новинка), горделиво приосанился и положил две равномерно сваренные пластины стали на кусок черной жести, выполняющий роль обычного подноса. А тот, кто его учил, а заодно и разработал технологию сварки металлов, приглашающе повел рукой и отошел в сторону, освобождая подход к «экспонату», – а не отошел бы, так и ноги оттоптать могли. Минут пять зрители осматривали шов, не постеснявшись потыкать в него разного рода железяками, постучать молотком и даже пару раз уронить на пол, после чего дружно накинулись с вопросами на собрата-инженера со звучной фамилией Славянов.

– Господа, господа, не все сразу!

Наведя среди своих и чужих подчиненных некое подобие порядка, начальник станкостроительного производства отошел немного в сторонку. К нему тут же присоединился Луцкой, и они принялись вполголоса обсуждать свои дела, и даже шипение и треск нового «представления» не прервали их беседу. Разве что заставили спешно повернуться спиной и отойти еще на несколько шагов. Столь странное равнодушие к новинке научно-технического прогресса объяснялось сразу тремя причинами, и первой из них было то, что господин Славянов еще неделю назад устроил персональное представление для Сонины, Герта и Луцкого, причем в присутствии князя Агренева. Коему первым же делом заявил, что сам эффект сплавления металлов вольтовой дугой изобрел видный российский ученый Бенардос. А он, Славянов, всего лишь самую малость усовершенствовал технологию, вот. Услышав из уст аристократа-промышленника, что этот факт будет обязательно учтен в плане рентных выплат, Николай Гаврилович обрел полное душевное равновесие и покой, после чего самым подробнейшим образом рассказал и показал все, что только относилось к сварке. И даже провел напоследок небольшой мастер-класс, в ходе которого уговорил-таки Иммануила Викторовича попробовать себя в роли оператора «Электрогештета». Надо сказать, пробы прошли просто невероятно успешно – всего с пятого объяснения, девятой попытки и третьего электрода начальственный ученик кое-как приварил затейливо изогнутый прут к обрезку трубы. Коряво и криво, конечно, зато радости было!.. Дня на три непрерывных улыбок и хорошего настроения, это как минимум.

Второй причиной было то, что недели за полторы до этого хозяин фабрики самолично презентовал подчиненным два своих изобретения, называемых ацетиленовая горелка и бензиновый резак. Первое и резало и сваривало, а второе просто резало толстые плиты металла, причем с потрясающей легкостью и **ОЧЕНЬ** быстро. То, что при этом почувствовал Герт... Пожалуй, уместнее всего было бы сравнить это с внезапным и очень тяжелым приступом всепоглощающего счастья. Так как до сего дня получение любой заготовки больше определенных габаритов было делом многотрудным и очень, очень нескорым. Либо ее получали отливкой в тигельной печи, либо долго ковали, либо тупо высверливали по контуру, из стальной плиты немаленькой толщины и габаритов. А потом с помощью зубила и полупудовой колотушки (а также некоторого количества волшебных и при этом не очень цензурных слов) вызволяли на свободу для дальнейшей обработки. Короче, тягомотины хватало, даже с излишком. Наверное, именно поэтому никто не удивился, когда главный маньяк станкостроения на фабрике в порыве чувств едва не пустился в пляс.

Ну, и причина номер три. Подчиненные его сиятельства князя Агренева как-то незаметно для самих себя взяли да и привыкли к частому появлению новинок. Какие-то из них они разрабатывали сами, другие появлялись словно бы из воздуха, а третьи, вроде той же ацетиленовой горелки, волшебным образом превращались из всем привычного и всем известного во что-то совсем новое. Как горелка Бунзена, например: почти полвека ее использовали ювелиры и

химики, дантисты и стеклодувы, и за все это время так никто и не догадался «раздуть» слабый огонек горелки в яростный факел ацетиленового резака.

– Так что, Иммануил Викторович, уж теперь-то я могу надеяться, что коленчатые валы для моих двигателей будут выделяться в достаточных количествах?

– Хм?! Надеяться, безусловно, можете, Борис Григорьевич. Конечно, ничего определенного я пока обещать не могу, но перспективы определенно радужны...

Бам-м!!!

Непроизвольно вздрогнув, собеседники одновременно развернулись и прожгли взглядами невезучего мастерового, уронившего кусок швеллера на брусчатку пола аккуратно позади них. Помолчав с минуту и немного успокоившись, Луцкой жестом предложил покинуть столь неудобное для разговора место. А заодно освободить проход для мастерового, наподобие муравья сгорбившегося под тяжестью очередного куска металла.

– Так вот, о чем бишь мы с вами говорили? Ах да, о ваших моторах. Кстати, позвольте осведомиться: когда же я получу обещанную вами документацию на пару из двигателя и компрессора? Мне через месяц в Москву ехать, к господину Листу, а показать ему и нечего. Нехорошо-с!

– Кхм. Виноват, это к кому же вы едете?

– Густав Лист на своем заводе отливает для меня детали особо сложной формы, а для вас – блоки двигателей. И очень, очень интересуется совместным производством компрессоров и инструмента на пневматическом приводе. Собственно, фактически он уже стал компаньоном его сиятельства в постройке соответствующего завода – предварительная договоренность об этом между Густавом Ивановичем и Александром Яковлевичем уже есть, теперь они определяют с местом под производство. Так как: я могу рассчитывать, что к концу недели получу желаемое?

– Иммануил Викторович, ну ведь без ножа режете...

Герт не отводил требовательного взгляда, и главный специалист по еще не существующим пока автомобилям сдался:

– Хорошо, будет вам к следующему месяцу вся документация и одна пара из компрессора и двигателя. Но только если вы меня обеспечите всем необходимым для ВСЕЙ моей работы, в том числе и коленчатыми валами!

– Тогда пять пар.

– Три, и все мои заказы вы выполняете в первую очередь!

– Девять, и задержек с вашими делами более не будет.

– И... договорились. Но вы переведете ко мне два звена мастеровых, в помощь моим сборщикам.

– Да уж переведу, не сомневайтесь.

От души посмеявшись недавнему торгу, мужчины вернулись в своей беседе к установке «Электрогешфест», вернее – к инженеру Славянову.

– Я так понимаю, его определяют под ваше начало?

Герт непроизвольно пожал плечами, спохватился, что под шубой это практически не заметно, и выразил свое сомнение вслух:

– Да ну бог с вами, Борис Григорьевич! Господин Славянов обретается в чине надворного советника – подполковничье звание на гражданский лад – и служит управляющим Пермскими казенными заводами. Какое уж тут начало?..

– Так чего же он делает у нас на фабрике?

– Ну-с, насколько мне известно, дело обстоит следующим образом: Бенардос открыл метод электрической сварки металлов, Николай Гаврилович его усовершенствовал, причем значительно, а Александр Яковлевич изобрел электрод со специальной обмазкой. После чего Славянов и приехал к нам – меняться с его сиятельством лицензиями на свои изобретения. И

вы знаете, что-то мне подсказывает, что наша лицензия на «Электрогефест» будет генеральной, причем как в империи, так и за ее пределами, – уж очень Николаю Гавриловичу понравилась ацетиленовая горелка. Ну а зная Александра Яковлевича, я совсем не удивлюсь, если Николай Гаврилович заодно доверит РОК представлять все свои интересы **ВООБЩЕ**.

Луцкой выдал понимающий смешок и поинтересовался:

– Скажите, а у вас никогда не появлялось такого впечатления, что наш с вами работодатель самым натуральнейшим образом коллекционирует талантливых людей?

Директор станкостроительного производства резко остановился и с интересом поглядел на своего собеседника. Ненадолго задумался над вопросом, после чего удивленно и несколько озадаченно согласился:

– Пожалуй, в ваших словах есть немалая доля истины. Вот только критерии отбора мне непонятны: с одним переговорит немного – и сразу гонит с глаз долой, хотя идеи у человека вполне стоящие...

Последнее прозвучало с некоторой обидой – не все знакомые Герта смогли устроиться на работу в Русскую оружейную компанию, далеко не все.

– ...другой же несет ну сущую ересь!.. И тем не менее его внимательно слушают, задают уточняющие вопросы и наконец предлагают подписать бессрочный контракт. Да как предлагают! Ведь ну ни единого разу никто не отказался!

Луцкой хмыкнул – как же, откажешься тут. Да и вообще, с некоторых пор при слове «искуситель» Борис Григорьевич сразу вспоминал любимое начальство – уж больно велик был талант молодого аристократа по части уговоров и соблазнительных предложений. Правда, у этого таланта была, так сказать, и другая сторона – его сиятельству как никому другому удавалось донести до собеседника свое неудовольствие. Причем никакого крика, хамства или гневных взглядов. Нет, спокойно и очень, **ОЧЕНЬ** вежливо. Но право же, лучше бы уж просто наорал.

– Не совсем понял насчет ереси. Это вы про что?

– Скорее – про кого. Я совершенно случайно стал свидетелем одной занимательной беседы князя с господами... как же их там? Нет, не помню. Так вот, они на полном серьезе клялись, что при должном финансировании создадут телефонную станцию, способную соединять абонентов без участия людей. Знаете, мне дико интересно, как это они себе представляют. Проведут спиритический сеанс и наймут на работу духов?

– И чем же кончилась эта беседа?

– Увы, это мне неизвестно, Александр Яковлевич разрешил мой вопрос, и более в кабинете я не присутствовал. Но, судя по контрактам на столе и открытой чернильнице, их идея была воспринята вполне благосклонно.

– Занятно. Кстати, а вы не подскажете, где его сиятельство в данный момент? В управе нет, я узнавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.